

INSPIRIA

Миссис Ингланг

Большие дома хранят
большие тайны

СТЕЙСИ ХОЛЛС

INSPIRIA

Стейси Холлс
Миссис Ингланд
Серия «Novel. Большая
маленькая жизнь»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67945433
Миссис Ингланд: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-172965-3

Аннотация

Впервые на русском здорового феминизма – «Покровители», «Госпиталь брошенных детей». В ее книгах главные героини, женщины, истинные героини своего времени, сталкиваются с непростыми жизненными ситуациями и исследуют силу собственного духа, о которой ранее сами могли не подозревать. Стейси Холлс имеет степень по историческим наукам, ее книги обласканы критиками за достоверность.

1904 год, Англия.

Окончив учебу в колледже, Руби Мэй устраивается няней в дом Чарльза и Лилиан Ингланд, обеспеченной пары, получающей доход от текстильной промышленности. Руби считает, что уход за детьми четы Ингланд станет для нее отличной возможностью набраться опыта и заработать хорошие рекомендации. Однако будни в красивом, но мрачном доме становятся не совсем тем,

чего ожидала Руби. К тому же у нее складываются непростые отношения со здешней прислугой. А еще вскоре Руби становится очевидно – с изящной, загадочной миссис Ингланд что-то явно не так. Идеальных семей не существует – открытие, которое уже давно сделала для себя Руби Мэй. Но кто бы мог подумать, что в этом уединенном месте ей придется столкнуться не только с неприятными тайнами хозяев, но и встретиться с собственными демонами. Это станет для Руби настоящим потрясением.

«Одна из лучших книг года». – Выбор книжного магазина Waterstones (Пикадилли, Лондон)

«Одна из главных фигур в жанре феминистского исторического романа, в своей новой книге Стейси Холлс исследует сущность брака. Это атмосферная история о силе и заблуждении». – Cosmopolitan

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	22
Глава 3	42
Глава 4	58
Глава 5	80
Глава 6	94
Глава 7	110
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Стейси Холлс

Миссис Ингланд

Stacey Halls

MRS ENGLAND

Copyright © 2021 by Stacey Halls All rights reserved.

© Акопян О., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Посвящается работникам Национальной
службы здравоохранения.*

*Спасибо за все, что вы делали и продолжаете
делать*

*«Малютка крокодил в волнах
Хвост золотой купает,
И в ярких солнечных лучах
Им плещет, им играет.*

*Малютка крокодил, резвясь,
И мило так, когтями
Пленяет рыбок и, смеясь,
Глодает их с хвостами!»*

Льюис Кэрролл, Руби «Приключения Алисы в Стране чудес»¹

Fortis in arduis.
«Сильный в трудностях» (лат.), девиз Норланд-колледжа²

Ночью в лесу было совсем не тихо. Раздавались причудливые крики козодоев и сов, под моими ботинками хрустели камешки, отовсюду слышалось журчание воды: звонкие ключи и ручейки без усталости бежали к реке – хлюпающие, говорливые, бормочущие. Дождь прекратился, и сквозь туманную дымку проглянула луна. Я плотнее запахнула воротник накидки и укутала голову платком.

Идти без фонаря оказалось даже легче, иначе там, куда не достигали его лучи, все стало бы совсем черным. Проглядывающая из-за облаков луна помогала не сбиться с пути, и мои глаза быстро привыкли к темноте. Миновав фабричный двор, я остановилась на развилке за хозяйственными постройками: левая дорожка вела к вересковой пустоши, правая – в город. Я свернула налево и прошла мимо пруда, в гла-

---

¹ Перевод А. Н. Рождественской.

² Норланд-колледж – британское учебное заведение, где готовят лучших нянь. Основано в 1892 году и существует до сих пор. Выпускницы Норланда по сей день работают в британской королевской семье. Наличие формы и жесткого профессионального кодекса подчеркивает статус элитной няни на фоне остальной домашней прислуги.

ди которого, словно в зеркале, отражалась ночь. Над тропой, выходящей по долине призрачной лентой, высился поросший соснами холм. Я стала вспоминать, как добраться до одинокого домика посреди пустоши.

Детскую я заперла. На сей раз никто не сбежит. Если повезет, проскользну обратно незамеченной. Но если вернусь после хозяина... «Нет! – приказала я себе. – Не смей сомневаться. И не останавливайся». Ноги сами несли меня вперед. Слева, будто привидения, темнели скалы.

– Руби? – донесся отчетливый шепот.

Едва не споткнувшись от неожиданности, я застыла на месте и впиалась взглядом в тонкие стволы и черные ветви. В ушах оглушительно пульсировала кровь.

Через несколько секунд снова раздалось:

– Руби? Это вы?

Глава 1

Лондон, август 1904

Я повезла Джорджину домой обычным путем, через Кенсингтонские сады к Гайд-парку. Она уснула, зажав в руке несколько маргариток, а я катила коляску по дорожке, с улыбкой кивая другим няням. Крохотные башмачки почти упирались в бортик плавно скользящей коляски; скоро Джорджина из нее вырастет, и я с затаенной грустью отметила, что малышка становится старше. Теперь она научилась сидеть и ездила так в солнечные дни со сложенным капюшоном коляски. Джорджина обожала смотреть на офицеров Королевской конной гвардии в нарядных мундирах и шлемах с плюмажем, а проходящие мимо дамы опускали зонтики и умилялись на нее.

Я подняла вязаного медведя, который валялся на песке возле чьей-то коляски, и протянула сидевшей на скамейке няне. Та была увлечена чтением романа. Позади скамейки по газону носилась ватага мальчишек, которые дрались палками.

– О, большое спасибо! – наконец произнесла няня, забирая игрушку.

Она узнала форменную одежду, отличающую меня от других нянь. Форма выпускниц Норланд-колледжа была создана именно с этой целью. Под элегантной коричневой накид-

кой я носила платье из бежевой тиковой ткани и белый батистовый фартук с кружевной оборкой. Летнюю форму завершал присборенный воротничок кремового цвета. Зимой мы переодевались в голубую саржу и круглый год выполняли черную работу – убирали в детской и разводили огонь в каминах – в форме из розовой хлопковой ткани в полоску.

– Жаль, моя так не спит, – вздохнула няня, кивком указав на пассажирку своей коляски.

Худенькая девочка с серьезным лицом, на вид чуть старше Джорджины, пристально смотрела на меня из-под белой панамы.

– Сколько вашей? – поинтересовалась няня.

– Семнадцать месяцев, – ответила я.

– Вы только посмотрите, какие прелестные кудряшки! А у этой волосы, как назло, совсем не выются. Стоит накрутить их на папильотки, она их тотчас выдергивает.

– Попробуйте накручивать, пока малышка спит. А если папильотки сначала немного увлажнить, волосы так и высохнут.

– Это идея! – обрадовалась няня.

Я попрощалась, и она продолжила читать. Мы с Джорджиной миновали ворота Альберт-гейт, где бронзовые олени охраняли вход в парк, и я улыбнулась старушке, продававшей игрушечные ветряные мельницы и шарики. В тот августовский день мельницы тщетно ждали дуновения воздуха, чтобы ожить. Старушка не улыбнулась в ответ: полагаю, на

ее взгляд, я почти не отличалась от других нянь. После ланча мы, одна за другой, шествовали со своими подопечными в парк, располагались на газонах и скамьях, стелили на траве покрывала, кормили уток и толкали коляски по дорожкам розариев. А через час или два вновь шли мимо нее домой, торопясь уложить детей на дневной сон и попотчевать сэндвичами с паштетом до того, как отвести вниз увидеться с родителями.

Джорджина была единственным ребенком Одри и Денниса Рэдлетт. Впрочем, миссис Рэдлетт ждала второго. Я перестирала и приготовила детские пеленки, обвела кружком в каталоге детские кроватки, чтобы показать миссис Рэдлетт. Когда появится второй малыш, Джорджине все еще будет нужна ее кроватка. Прибавление в семействе меня волновало, и хотя я пока не нашла сиделку на послеродовой период³, перспектива делить с ней детскую, даже на несколько недель, вызвала смутное беспокойство. Ибо верхний этаж дома номер шесть по Перивейл-гарденс был моим царством, моей территорией: рабочим кабинетом, классной комнатой и мастерской. Иногда мы организовывали здесь кафе, если Джорджина желала устроить своим игрушкам чаепитие; порой тут возникали джунгли, и мы ползали по ковру, охотясь на львов и тигров.

---

³ Сиделка на послеродовой период – няня, которая ухаживала за роженицей и за малышом в течение первых недель после родов, так как новоиспеченной матери полагалось лежать в кровати.

Ладошка Джорджины раскрылась, и маргаритки рассыпались по одеяльцу. Я быстро собрала их и положила себе в карман. Цветы, которые мы собирали в парке, я ставила в вазочки на подоконнике детской и учила с Джорджиной их названия. Она уже могла похвастаться богатым словарным запасом. Девочка внимательно слушала, когда я указывала на тарелки, ложки, игрушки, марки.

«Оень!» – воскликнула она несколько недель назад, при-
встав в коляске и указывая на оленей у ворот Альберт-гейт. Я ощутила прилив гордости и любви к этой веселой, активной девочке, которая вызывала восторг у всех, кто с ней общался.

На Найтсбридж легковые автомобили, кашляя клубами дыма, с рычанием обгоняли кареты. Я взглянула на жилые дома из красного кирпича, на продавца горячей картошки, зеленый Бэйсуотерский⁴ омнибус и работника китайской прачечной, выгружавшего из тележки чистые простыни. Подметальщики перекрестков⁵ отступили в сторону – из универмагов возвращались дамы в широкополых шляпах, а следом семенили горничные, нагруженные коробками.

Улица Перивейл-гарденс располагалась в большом тихом квартале, в нескольких минутах от оживленной дороги. До-

---

⁴ Бэйсуотер, Найтсбридж – улицы и одноименные престижные районы в центре Лондона.

⁵ Подметальщики перекрестков в Лондоне – в основном дети. Они расчищали дорогу прохожим и этим хоть как-то зарабатывали на жизнь.

ма, выстроившиеся вдоль прямоугольного газона с кипарисами и рододендронами, надежно защищал черный металлический забор. Рэдлетты жили в высоком оштукатуренном доме с черной лакированной дверью, обрамленной гладкими белыми колоннами. Под крышей была устроена детская, окна которой выходили на длинный солнечный сад, граничащий с обеих сторон с садами соседей. Жившие по соседству Боулеры держали кур и иногда разрешали Джорджине собирать яйца.

В холле было пусто и тихо, и я понесла Джорджину наверх. Там малышка позволила мне снять с нее кожаные башмачки светло-бежевого цвета и с сонным вздохом улеглась в кровать. Задергивая шторы, я мельком взглянула на улицу и заметила мальчишку, помощника мясника, с корзинкой. Он подошел к двери, ведущей в подвал, а кухарка, стоя на пороге, придирчиво изучала содержимое корзинки и перекладывала свертки на согнутую в локте руку.

Мой отец развозил товар на кротком пони Черносливе. На бортике повозки виднелись крупные белые буквы: «А. Мэй, первосортные фрукты и овощи». Мы с братьями дрались за очередь сидеть на козлах возле отца и править повозкой. Он колесил по улицам, помахивая прохожим рукой. «Держи, Рубарб», – говаривал отец, передавая мне поводья.

В половине четвертого Эллен принесла мне рулет с ветчиной и чайник с чаем, а я поделилась с ней прочитанным

выпуском Young Woman⁶ и дешевым романом, который даже не открывала. Затем присела за столик под самым скатом крыши, чтобы перекусить, и осмотрелась, примечая, где требовалось стереть пыль; летом окна были открыты, и за считанные часы после утренней уборки повсюду тонким слоем оседала сажа. На полке сияли золотом буквы на черном корешке моей рекомендательной книги. В последний учебный день директор Норланд-колледжа – мисс Симпсон, которую мы между собой ласково называли Сим, – вручила нам по книге из особой стопки. В книге было собрано все необходимое для безупречной службы: начиная от списка тканей для форменной одежды и заканчивая пустыми листами для рекомендаций. На первой странице имелась моя фотография, слишком крупная, на мой взгляд. Я смотрела в камеру сурово, без улыбки, положив нервно сжатую руку на стол.

По прошествии трех месяцев испытательного срока миссис Рэдлетт оценила мое умение шить как очень хорошее, пунктуальность – отлично, опрятность – отлично, чистоплотность – отлично, дисциплинированность – отлично, нрав – отлично, поведение с посетителями – очень хорошо, поведение с детьми – отлично, поведение со слугами – отлично, умение развлекать детей – отлично, умение воспитывать детей – отлично, общая подготовка – отлично. Осенью мне вручили диплом, который я хранила в саквояже. Неко-

---

⁶ Young Woman – газета, выходившая с 1892 по 1903 год в Лондоне. В ней освещались вопросы культуры, образования, а также острые социальные проблемы.

которые няни отослали свои дипломы родным, чтобы те повесили их на стенку в рамочке. Я представила, как изумилась бы мама при виде моего диплома – документа, подтверждающего умение воспитывать детей!

Я доела рулет и наводила порядок, когда раздался негромкий стук в дверь.

– Войдите, Эллен! – отозвалась я, передвигая глобус на дюйм вправо и выравнивая его по линии экватора.

Ответа не последовало.

– Миссис Рэдлетт? – Я тут же вытянулась в струнку.

Хозяйка была очень молода, лишь на пару лет старше меня – года двадцать три, двадцать четыре, – нежна и женственна. На губах миссис Рэдлетт всегда играла улыбка, а симпатичные платья с блестящими брошами выгодно подчеркивали ее округлившуюся фигуру и молочно-белую кожу. Волосы карамельного цвета миссис Рэдлетт укладывала по самой последней моде, повторяя прически из журналов.

Зато моим волосам, тонким и темным, никакие уловки не смогли бы придать объем. Моя кожа моментально темнела от загара, и поскольку форменная норландская шляпка слабо спасала от солнца, я старалась держаться в тени.

– Добрый день, няня Мэй, – поздоровалась миссис Рэдлетт.

Она обладала добрым нравом и хорошим чувством юмора. Одним из любимых развлечений хозяйки было изображать эдакую важную даму с благородными манерами. Прав-

да, я не могла по достоинству оценить ее игру.

– Будьте любезны, подойдите в малую гостиную, когда освободитесь, – произнесла миссис Рэдлетт.

– Да, мэм. Спущусь немедленно. Мисс Джорджина как раз спит.

Я отправилась за хозяйкой в основные помещения дома. Нижний этаж был очень далек от моего тихого прибежища под крышей. Там действовали иные правила, законы и распорядок дня, которые, к счастью, меня не касались. Не являясь прислугой, няни существовали в узком пространстве между домашними работниками и членами семьи, не принадлежа ни к тем, ни к другим. Сим предупреждала, что в нашей профессии одиночества не избежать. «Стезя одинок», как она говорила. Впрочем, большую часть жизни я и так была одиночкой. Только в труде я обретала радость, а минуты отдыха дарили мне умиротворение.

Утром я приводила Джорджину в столовую, а вечером – в гостиную, и тогда мистер и миссис Рэдлетт уделяли дочери час, развлекая ее перед ужином. Мистер Рэдлетт играл на пианино, а миссис Рэдлетт танцевала с Джорджиной, придерживая ее и помогая ступать пухлыми ножками по ковру. Супруги так радовались дочери, словно не видели ее целую неделю, и порой, когда наставало время возвращаться в детскую, Джорджина начинала плакать, протягивая ручки к матери. «Вверх по горке деревянной еду в Сонную страну, в

переулок Одежальный, в сад Подушек поверну»⁷, – тихонько напевала я, пока несла малышку по лестнице наверх, и, когда мы оказывались в детской, Джорджина забывала о своих горестях. Засыпая, кроха начинала сосать большой палец, который я аккуратно вынимала из ее влажного рта, когда миссис Рэдлетт приходила поцеловать дочку на ночь.

Малая гостиная находилась в передней части дома. Пользовались комнатой редко, летом там стояла духота – окна не открывали, чтобы с улицы не налетела сажа. Из-за палящего солнца тяжелые портьеры были всегда задернуты, и ни один порыв ветра не шевелил легкие кружевные занавески. Дом Рэдлеттов отличался изысканностью убранства, повсюду стояли антикварные вещицы; у хозяйки даже имелась собственная библиотека. Рэдлетты были интеллектуальной и обходительной парой. Они знали толк в интересном времяпрепровождении, и в доме часто появлялись гости, которые наполняли комнаты сигарным дымом, оставляли липкие пятна от шерри на сервантах, а вешалка для шляп, словно дерево с экзотическими птицами, расцветала лентами и перьями.

Под крышей дома неизменно царил покой. Иногда миссис Рэдлетт просила меня отвести Джорджину вниз, чтобы поцеловать дочку на сон грядущий и показать друзьям. Миссис

---

⁷ «Вверх по горке деревянной...» (англ. Up the wooden hill to Bedfordshire and down Sheet Lane to Blanket Fair) – шутливые слова, которые традиционно говорились в Англии детям, когда наставала пора идти наверх и лечь спать. (Перевод О. Акопян.)

Рэдлетт всегда считалась с моим мнением и вежливо спрашивала, что ела и как провела день ее дочь. Впрочем, не возникало ни малейших сомнений, кто именно здесь хозяйка.

– Пожалуйста, присядьте, – начала миссис Рэдлетт.

Я уселась в пухлое кресло возле кашпо с папоротником.

– У меня потрясающие новости! – Она положила руку на округлившийся живот, который в последнее время стал настолько заметен, что Эллен пришлось увеличивать хозяйские юбки в поясе. – Я хотела признаться несколько недель назад, но мистер Рэдлетт запретил мне говорить с вами до тех пор, пока все не будет согласовано и улажено. Вчера вечером вопрос решился, и я наконец могу с вами поделиться.

С чувством легкого волнения я поправила фартук.

– Как вам известно, у мистера Рэдлетта очень хорошо идут дела. Настолько хорошо... – тут она для пущего эффекта сделала паузу, – что компания посылает его работать в Чикаго в качестве главного архитектора! Няня Мэй, ему предстоит проектировать университет! Не правда ли, чудесно?

Миссис Рэдлетт захлопала в ладоши, не в силах сдержать радость.

– Конечно, мы приглашаем вас с собой как няню Джорджины. Надеюсь, вы ни на миг не подумали, что мы могли бы поехать без вас! Пожалуйста, скажите, что поедете! Мистер Рэдлетт сейчас ищет нам дом. Вы не представляете, как можно устроиться в Америке: настоящие особняки буквально за несколько пенсов! А еще там замечательные парки и

магазины, и все время строят новые здания. Боже, наш второй ребенок родится американцем, представляете? Я раньше об этом не задумывалась. Так необычно! – На лице миссис Рэдлетт отразилось искреннее изумление.

– Чикаго, – только и промолвила я.

Даже из моих уст это слово прозвучало по-иностранному и роскошно. Мне, уроженке пропитанной копотью окраины Бирмингема, Лондон казался самым восхитительным местом на земле, а Чикаго – далеким, словно Марс. Прикинув, сколько будут идти отправленные мне письма и как долго придется ждать ответа из дома, я вдруг почувствовала тяжесть на душе, будто грудь придавило камнем.

– Да, – продолжала миссис Рэдлетт, – нужно упаковать и отправить вещи. Понадобится время. Но через месяц или два мы рассчитываем сесть на пароход. Деннису не терпится приступить к новой работе. Прибудем в Нью-Йорк, а оттуда поедem поездом. Полагаю, сначала немного проживем в Нью-Йорке. Разве не чудесно? Я всегда мечтала там побывать! Няня Мэй, вы в порядке? У вас нездоровый вид.

– Да, мэм.

– О, пожалуйста, скажите, что поедете с нами! Ведь вы поедете? Да?

– Боюсь, я не смогу.

Повисла тишина. Тикали дорожные часы. С каминной полки молча взирали фарфоровые спаниели. Миссис Рэдлетт не ожидала такого ответа и старалась прийти в себя,

неосознанно поглаживая живот.

– Почему же? Естественно, мы дадим вам несколько выходных дней перед отъездом, чтобы попрощаться с родными.

Не в силах поднять глаза, я рассматривала ковер.

– Няня Мэй? Я думала, вы будете рады.

– О, мэм, я очень рада. Очень рада за вас и мистера Рэдлетта.

– Но не за себя. Вам не нравится у нас?

– Что вы, мне здесь очень нравится.

– Тогда почему, ради всего святого, вы отказываетесь ехать? Я просто не представляю, как отправлюсь без вас, няня Мэй! Я об этом даже не думала. И не желаю думать! Вы для нас как член семьи, и Джорджина от вас в восторге! И я в восторге от вас, и Деннис тоже! – Голос миссис Рэдлетт дрогнул и стал тоньше; я с ужасом поняла, что моя хозяйка вот-вот расплачется.

В горле возник комок, в носу защипало от подступивших слез.

– Спасибо, мэм! Вы очень добры ко мне. Вы и мистер Рэдлетт. И я очень люблю мисс Джорджину.

– Так почему бы вам не поехать? Дело в жалованье? Я поговорю с Деннисом о повышении.

– Дело не в этом. – Я отрицательно помотала головой.

– Может, вы больны? Или... обручены? – Она облегченно выдохнула. – Вы обручены и собираетесь выйти замуж?

– Вовсе нет.

– Господи, да что ж тогда?

– Дело в моих братьях, – ответила я. – Я не могу их оставить.

Миссис Рэдлетт встрепенулась и с нескрываемым любопытством спросила:

– Простите за бестактность, но мне казалось, ваши родители живы.

– Да, они живы, мэм.

– Кто-то из них болен? Остался без работы?

– Нет.

– Тогда почему вы не можете их оставить?

– Я бесконечно сожалею, миссис Рэдлетт, – сдавленно проговорила я.

Она изумленно молчала. На площадь въехал дилижанс, оттуда высадились пассажиры, и дилижанс загрохотал по мостовой дальше; цокот лошадиных подков достиг крещендо за окнами дома и постепенно стих вдали. Я думала о спящей наверху Джорджине, о горшочках из-под джема, расставленных на подоконнике, о маргаритках в моем кармане, которые теперь наверняка завяли. О том, что в чайнике, принесенном наверх Эллен, стынет чай, а в кресле ждет прочтенный до середины *Woman's Signal*⁸, который я оставила на потом. О том, что в дождливый вечер детская, освещенная шипящи-

---

⁸ *Woman's Signal* – еженедельный феминистический журнал, издававшийся в Англии с 1894 по 1899 г.

ми, мигающими газовыми рожками, – самое уютное место на свете. Скоро проснется Джорджина и станет звать меня, в полной уверенности, что я приду, выну ее из кровати, угощу мандарином или сладким печеньем.

Я не смела взглянуть на миссис Рэдлетт: глаза мне застлали слезы. В комнате стало так тихо, что я слышала, как рвется от горя мое сердце – будто маргаритка, у которой сломали стебелек.

Глава 2

– Няня Мэй, – послышался спокойный голос директора.

С тех пор как я последний раз видела Сим, прошло девять месяцев. Она приехала на Перивейл-гарденс для проверки моей работы: Эллен подала в гостиную кофе и бисквитные печенья, а директор, беседуя с миссис Рэдлетт, делала пометки. Теперь, стоило мне вновь увидеть Сим, прошлое обратилось в прах. Я опять нервничала до испарины, как новичок, и едва сдерживалась, чтобы не вытереть лоб. Я шагнула внутрь и закрыла за собой тяжелую черную дверь.

За белым парадным крыльцом меня встретили знакомые ароматы свежеиспеченного хлеба, карболового мыла⁹, чистых простыней и карандашной стружки. Повсюду царил запах, присущий женщинам: от проходивших мимо девушек веяло духами и потом. Для меня этот запах был связан с учебой. Особняк на Пембридж-сквер казался сверкающим дворцом по сравнению со школьным зданием в Балсолл-Хит¹⁰ – скучным убогим местом, где пыль от мела кружилась в солнечных лучах, едва пробивавшихся сквозь грязные окна.

---

⁹ Карболовое мыло – мыло темно-розового или красного цвета на основе карболовой кислоты – вещества, получаемого из каменноугольного дегтя. Применяется как дезинфицирующее средство.

¹⁰ Балсолл-Хит – один из районов Бирмингема.

Дома мое образование заканчивалось вместе со школьным звонком. Родителям хватало забот с лавкой, им было некогда заниматься нами. Поэтому по вечерам я брала учебники и помогала братьям делать уроки. Трехлетние Тед и Арчи, на пять лет младше меня, – любознательные ребята, но вместо того, чтобы слушать, затевали возню друг с другом. Робби, младше меня на пятнадцать месяцев, все делал медленно и неохотно, в его письмах до сих пор полно ошибок.

Норланд-колледж располагался в большом белом особняке на Пембридж-сквер, в десяти минутах езды на кебе к северу от Перивейл-гарденс. Я уехала утром и предпочла бы пройти пешком через Кенсингтонские сады, но Рэдлетты пожелали отправить меня на кебе. Саквояж должен был последовать на новый адрес чуть позже. Сцена прощания получилась душераздирающей, чего я и боялась. Джорджина, сидевшая на руках у матери, непонимающе морщила лобик. Миссис Рэдлетт взяла ручку дочери в свою и помахала ею, а когда кеб тронулся, малышка громко разревелась. Это было выше моих сил. Я отвернулась и прижала платок к глазам.

Норланд стал первым заведением своего рода: школа, дом и агентство для детских нянь. Немногим более двух лет назад я сдавала вступительное испытание на стипендиальную программу и каким-то чудом прошла! Я едва понимала экзаменационные вопросы: перескажите сюжет «Эноха Ардена»¹¹; где находятся указанные ниже улицы и магазины Лон-

---

¹¹ «Энох Арден» – поэма английского поэта Викторианской эпохи Альфреда

дона; напишите рецепт мармелада. Я понятия не имела, кто такой Энох Арден, а поскольку из Бирмингема выбиралась лишь раз в жизни, то местоположение универмагов, равно как и Тауэра и королевского дворца, было мне неизвестно. Зато я знала, как приготовить мармелад! Я поделилась бабушкиным рецептом, положила на парту карандаш и, чувствуя полное опустошение, оглянулась на других девушек, которые строчили так, словно сдавали экзамены ежедневно.

В тот день я думала, что больше никогда не увижу Лондон. Меня сопровождали мистер и миссис Гранвилль – они жили на соседней улице и пару раз присматривали за нами, когда мы были детьми. Перед тем как сесть на поезд, супруги Гранвилль купили мне в универмаге Whiteley's напиток из сарсапарели. Домой я возвращалась с тяжелым сердцем.

Но через некоторое время, к моему большому удивлению, на коврик перед дверью нашего дома на Лонгмор-стрит очутилось адресованное мне письмо. Оно гласило, что плата за обучение в размере 36 фунтов... дальше стояло слово *gratis*¹², значение которого мне пришлось посмотреть в публичной библиотеке. А еще мне пришлось приобрести за свой счет ткань для формы у Debenham & Freebody¹³. На это я истратила почти все свои сбережения, а оставшихся денег

Теннисона, опубликованная в 1864 году.

¹² Gratis – бесплатно, за казенный счет.

¹³ Debenham & Freebody (ныне сеть Debenhams) – магазин, основанный в 1778 году в лондонском Вест-Энде, где продавались дорогие ткани, дамские шляпки, перчатки и зонтики.

хватило как раз для покупки тетрадок и карандашей. Правда, вскоре я выяснила, что остальные девочки пользовались ручками.

Девять месяцев в Норланде стали для меня сплошным праздником. Первое время я нервничала и замкнулась в себе. Я сильно выделялась на фоне двух дюжин моих сокурсниц из-за недостатка образования и робости. Единственным человеком в Норланде с таким же акцентом, как у меня, была одна из горничных. Комнату в самой дальней части дома я делила с ирландкой по имени Бриджет – черные волосы и нос крючком придавали ей сходство с галкой. Соседка оказалась дружелюбной и открытой, и как только мы познакомились, неловкость сразу исчезла.

Впрочем, стоило Сим закрыть за мной дверь, как меня вновь окутало это чувство – знакомое, будто старый плащ. Директор, невысокая изящная женщина, внешне напоминала хрупкую статуэтку, но это было обманчивое впечатление. В каштановых кудрях Сим кое-где проглядывала сталь – точно так же, как и в ее характере. Впрочем, руководила Сим великодушно и справедливо, не гнушалась простого труда вроде мытья забытых чашек или раздачи писем. Директор – единственная из сотрудников, кто жил в здании колледжа, но я никогда не видела ее ни в чем, кроме опрятного саржевого платья с золотыми часиками на поясе; студенткам оставалось лишь гадать, когда же Сим успевает мыться. На прощание она дала нам совет: в новых домах держать свои се-

ребряные щетки для волос на виду у прислуги. У меня имелась только расческа, однако за неделю до выпуска я обнаружила у себя на туалетном столике коробочку от Уильяма Коминса¹⁴. Внутри лежала щетка для волос в серебряной оправе – тяжелая, как пистолет, с жесткой, будто иголки, щетиной.

Сим повела меня в свой кабинет в дальней части дома. Мы прошли мимо двух студенток, спускавшихся по лестнице. Увидев мою шляпку и накидку, они робко заулыбались. Слева находилась столовая, где девушки в белом и бежевом корпели над книгами, задумчиво грызя кончики ручек. С щемящей тоской в сердце я вспомнила, что в это время идут экзамены. По субботам занятий не проводилось, и в распахнутую дверь виднелся пустой лекционный зал: высокий потолок, шкафы со стеклянными дверцами, повсюду живые цветы, среди которых мелькают синие цветки андреевой травы – символ Норланда. На стене за столом преподавателя висела карта Британских островов, а чуть подальше стояло небольшое пианино. Над шкафами виднелся большой гобелен с изображением льва, взбирающегося на пригорок.

Мы прошли в кабинет, назначение которого указывала латунная табличка с надписью: «М. Симпсон, директор», и Сим закрыла за нами дверь. Распахнутое окно выходило

---

¹⁴ Уильям Коминс – ювелир, мастер работы по серебру. В Лондоне в 1859 году им была основана фирма по продаже предметов из серебра (столовое серебро, посуда, шкатулки, расчески и т. п.).

ло на задний двор, на столе громоздились чашки, газеты, огарки свечей и писчие перья. Возле расписного керамического пресс-папье примостился горшок с увядшей бегонией. На стене висела карта районов Лондона; адреса, где работали выпускницы, были отмечены красными булавками. Рядом располагалась карта мира с выделенными границами Британской империи. Булавки торчали повсюду – начиная от близкого Парижа и заканчивая далекой Индией. Книжные шкафы во всю стену ломились от книг и журналов. На одной из полок я заметила фотографию первого выпуска Норланда: пять застенчивых девушек в чепцах и фартуках стоят между Сим и миссис Уорд, основательницей колледжа – дамой в широкой шляпе, из-под которой выглядывает круглое добродушное лицо.

В целом в кабинете директора царил творческий беспорядок. Сим, выпускница колледжа, так и не вышедшая замуж, порождала во мне смесь благоговейного трепета и зависти. Я восхищалась ею безмерно.

– Ваше письмо меня огорчило, – без обиняков заговорила Сим, убирая утреннюю газету со своего кресла. – Мы в Норланде относимся к отказам от должности со всей серьезностью. С нетерпением жду ваших объяснений. Но прежде всего, – она потянула за шнурок колокольчика, висевший возле стола, – мы выпьем чаю.

Это было в новинку: я приходила в кабинет директора один или два раза, однако чаю мне предложили впервые. В

глубине души я надеялась, что меня, полноценную няню, Сим примет в малой гостиной, где проходили встречи с клиентами и стояла красивая мебель. Студентки допускались туда только на Рождество, когда пели гимны, стоя вокруг роля у окна. В остальное время лишь горничные дважды в день смахивали там пыль.

Мы с Сим поговорили о жаркой погоде, о том, как я добралась тем утром до Пембридж-сквер, а через пару минут горничная внесла в кабинет поднос с чайным сервизом и каким-то чудом нашла на столе свободное место.

Когда чай был разлит по чашкам, Сим произнесла:

– Итак, няня Мэй, вы отказались от должности. Потрудитесь объяснить, в чем дело.

Я отпила глоточек, и чашка зазвенела на блюде в моей дрогнувшей руке.

– Миссис и мистер Рэдлетт уезжают из страны. В Чикаго. В Америку, – запинаясь, выдавила я.

– И вы не хотите ехать. – Синие глаза смотрели на меня в упор.

Робея, я отрицательно помотала головой.

– Насколько вам известно, многие из выпускниц Норланда работают за границей. Иностранные семьи нанимают английских нянь даже охотнее, чем наши соотечественники. Во время учебы здесь вы отдавали себе отчет в том, что будущая работа, возможно, потребует переезда, не так ли? Некоторых студенток именно это и привлекает: шанс получить

бесплатный билет в другую страну, расширить свой кругозор.

– Я не желаю эмигрировать.

Сим, с присущей ей изысканностью манер, опустила подбородок, чтобы пристально заглянуть мне в глаза.

– Достойный ответ, – признала она. – Но какова же причина?

Я молча смотрела в чашку.

– Новая жизнь в Америке может оказаться настоящим чудом, няня Мэй. Это страна с относительно либеральными нравами. Не самое плохое место для молодой женщины. Я отправила через Атлантику много нянь, и все они замечательно устроились. Как раз на прошлой неделе одна уехала в Бостон, и еще две или три сейчас в Нью-Йорке. Более того, пока мы с вами беседуем, девушка из выпуска девятиного седьмого года направляется на пароходе в Калифорнию, чтобы работать в семье миллионеров Вандербильт.

Я разглядывала пресс-папье. Цветки андреевой травы вышли не очень: видимо, подарок подопечного одной из нянь.

– Но вас это не интересует, – заключила директор.

– Увы, мисс Симпсон. Я надеялась, может, вы найдете мне другое место?

Сим явно раздирали противоречивые чувства, а потом она вдруг устало призналась:

– Честно говоря, няня Мэй, с вакансиями сейчас негусто. Многие еще не вернулись из загородных домов и пробудут

там еще месяц или два. А кто-то путешествует. Вы соперничаете с девочками, которые вот-вот сдадут экзамены, и я обязана прежде всего найти места для них, дабы не снизить показатель трудоустройства наших выпускниц. Миссис Рэдлетт уже написала, что ищет новую няню, и у меня кое-кто есть на примете. Миссис Рэдлетт очень хорошо о вас отзывалась. Кстати, об отзывах. Будьте любезны вашу рекомендательную книгу. – Директор протянула руку через стол.

Я держала книгу наготове и тут же передала ее директору. Вдалеке послышался лай собаки. Сим неспешно переворачивала страницы в поисках рекомендации миссис Рэдлетт и наконец стала читать, придерживая страницы большим и указательным пальцами. Несмотря на образованность, миссис Рэдлетт часто ставила в письмах восклицательные знаки, подчеркивала слова, а то и целые фразы, которые желала выделить особо, и потому могла показаться инфантильной и экзальтированной. На прощание она подарила мне шелковый платок с вышитыми моими инициалами и книгу «Удивительный волшебник из страны Оз».

Я старалась не думать о новой няне, которая станет вешать свою форму в шкаф и спать в моей кровати. Наверное, Джорджина и не поймет, что у нее новая няня, и вскоре мой образ окончательно сотрется из ее памяти. Глаза опять заволокли слезы. На влажном платке виднелись следы дорожной пыли. Сим вручила мне чистый, в который я высморкалась с горестным вздохом.

– Прошу прощения, – вымолвила я. – Не знаю, что на меня нашло.

– Ваша прежняя комната пока свободна. Няня Дженкинс работает в детском саду. Можете остаться на пару ночей. Если выкрою время, посмотрим новые вакансии сегодня вечером, – Сим взглянула на часы, – или завтра утром. А потом вы отправитесь домой, пока мы не подыщем новую семью. Откуда вы? Кажется, из Бирмингема?

– Нет. То есть, да. Из Бирмингема. Но я не могу.

Сим удивленно на меня взглянула.

– Боюсь, вам придется. Няня Дженкинс вернется в конце недели, а первого сентября к нам приедут новые студентки. – Она изучающе посмотрела на меня пару мгновений. – Никто не хочет возвращаться домой с поджатым хвостом. Тем более, – добавила Сим с сочувствием в голосе, – тот, кто покинул родное гнездо и обрел некоторую независимость. И все же это ненадолго. Нужно будет оплатить лишь билет. Сколько дней отпуска у вас осталось в этом году?

– Все.

– Я постоянно сетую, что няни не расходуют свой отпуск, – расстроилась Сим. – Столь длительный отпуск предусмотрен не просто так. При такой работе отдых крайне важен. Измотанная няня – никуда не годная няня.

– Мне нельзя в отпуск. Я должна найти работу. Пожалуйста, мисс Симпсон! – взмолилась я. – Половину жалованья я раз в квартал посылаю домой и не могу пропустить следу-

ющие месяцы.

Сим вздохнула.

– Кем работает твой отец? – спросила она мягко.

– У родителей бакалейная лавка. Мои братья и сестра дома, все четверо. Мальчики работают, а Элси, ей одиннадцать, второй год ходит в школу. Но учиться ей трудновато из-за слабости в руках и ногах. Видите ли, у сестры больной позвоночника. Она хромот. Обычно Элси не жалуется, однако временами бедняжке совсем невмоготу, поэтому носить тяжести или за кассой стоять она не в состоянии. Элси сложно удерживать вещи в руках, и она очень расстраивается и... В общем, я хотела бы, чтобы сестра продолжила учебу. Она умеет писать обеими руками. Специально выучилась, на случай, если правая рука совсем ослабеет.

Сим поставила чашку и, выдвинув один из ящичков своего стола, достала оттуда пачку писем.

– Я уже просмотрела заявки, но, повторюсь, летом поток желающих пригласить наших нянь превращается в скудную струйку. Обычно люди возвращаются к делам не раньше конца сентября. А для няни, у которой за плечами лишь год опыта... Так, что тут у нас?

Глядя, как Сим внимательно изучает бумаги, я судорожно сжала в руках перчатки.

– Помню, было письмо от дамы из Сент-Джонс-Вуд¹⁵...

---

¹⁵ Сент-Джонс-Вуд – исторический район Лондона, часть административного округа Вестминстер. Он стал первой частью Лондона, застроенной особняками.

Где оно?... Ах да. Они предлагают платить тридцать фунтов в год. Совершенно неприемлемо! Я напишу им о наших расценках.

– Колледж размещает свою рекламу? – спросила я.

– Боже, нет. Никогда не размещали, и миссис Уорд не собирается. Вот заявка от разведенной актрисы... Ну уж нет, такое нам точно не подходит!

– Я не против, – робко заметила я.

– Боюсь, что я против! – отрезала Сим.

Она извлекла из конверта очередное письмо.

– От миссис Чарльз Ингланд из Йоркшира.

Я терпеливо молчала.

– «Прошу вас выслать фотографию и самые подробные сведения о няне, а также указать рекомендуемый вами размер жалованья»... Уже лучше, – проговорила Сим. – Но куда же подевалось...

Она перевернула несколько оставшихся элегантно надписанных конвертов.

– Я видела заявку от дамы из... Ах да, Эдвардс-сквер. Миссис Эскью-Лэинг. Какое знакомое имя... «Мой дорогой друг, миссис Генри Кадоган¹⁶, рекомендовала ваше учебное заведение...» Эскью-Лэинг... Кажется, они занимаются аукционами? – Сим плотнее сжала губы, пристально вглядываясь в письмо. – Нужно уточнить у миссис Уорд, но я почти

---

¹⁶ Генри Кадоган – скорее всего, имеется в виду один из представителей аристократической династии Кадоганов, процветающей и в наши дни.

уверена, что они владеют аукционными домами.

Я просияла и расправила плечи.

– Да, у них дома на Пиккадилли и, насколько я знаю, в Нью-Йорке. Ох... – вырвалось у Сим, заметившей отчаяние на моем лице. – Никаких зарубежных поездок. Полагаю, эта семья проводит в Лондоне лишь несколько месяцев. Спрашивать было бы глупо. Скажите, вы исключаете для себя только эмиграцию или путешествия по стране тоже?

– Я не имею ничего против поездок на поездах и на чем угодно еще. Главное, не выезжать из страны.

Меня начинал раздражать снисходительный тон Сим. Как будто мои доводы казались ей иррациональными и надуманными. Безусловно, Сим работала по собственному желанию, а не по необходимости. Она никогда не стояла в очередях, чтобы выслать почтовым переводом деньги своей семье, и никогда бы меня не поняла.

– Тогда, боюсь, вы весьма ограничены в возможностях, няня Мэй. Семьи, подающие заявки в Норланд, рассчитывают на гибкость. Если подождете пару недель, придут новые заявки, но я еще должна устроить нынешних выпускниц. Миссис Уорд осведомилась у доверенных лиц, и у нас назначено нескольких интервью. Кстати, – сверкнули золотом часы на поясе, – мне нужно спешить на встречу в Марилебон¹⁷.

– А что насчет дамы из Йоркшира?

– А что насчет нее?

---

¹⁷ Марилебон – зажиточный квартал в центре Лондона.

– Миссис... Ингланд.

Сим отыскала письмо и стала внимательно читать.

– Четверо детей: двое сыновей, две дочери. Семья владеет ткацкой фабрикой. – Судя по тону директора, Ингланды могли быть хоть акробатами. – Миссис Ингланд прочла о нашем колледже в газете, у них недавно скончалась няня, которая растила еще мистера Ингланда... Они ее очень любили... Требуется опыт работы с ранними детьми. Упоминает, что старший ребенок не совсем здоров. «Детская находится в отдельном крыле с собственным входом, там же устроено помещение для няни. Или, если она пожелает, можно выделить комнату в главном доме». Тут даже обсуждать нечего. – Директор перевернула страницу, чтобы взглянуть на подпись. – Собственное имя миссис Ингланд не указала.

– Я согласна.

– Вы готовы жить в такой глуши? Возможно, у них имеется дом в Лондоне, хотя я сомневаюсь. Здесь явно не центр торговли текстилем.

– Мне все равно, куда ехать, мисс Симпсон, – ответила я.

Она изучающе на меня посмотрела и продолжила читать письмо.

– Вы прошли обучение и, несомненно, владеете нужными навыками, но воспитание четверых детей – задача не из легких. Сдается мне, других нянь там нет, и вы окажетесь без помощи. Кроме того, о состоянии сына миссис Ингланд пишет уклончиво. Если мальчик инвалид, ему может понадо-

биться помощь специалиста-медика. Я напишу ей на неделе.

Мисс Сим вложила письмо в конверт, считая вопрос решенным.

– Я бы очень вас попросила отправить ответ с сегодняшней вечерней почтой, – произнесла я. – И сообщить миссис Ингланд, что нашли для нее няню.

Сим ответила не сразу.

– Няня Мэй, – наконец заговорила она, откинувшись на спинку кресла, – вам известно, почему стипендиальной программой я наградила именно вас?

Я ощутила легкую досаду: она все-таки не забыла.

– Нет, – помотала головой я.

– Если помните, я наблюдала за ходом экзамена, сидя в лекционном зале. Через некоторое время одна из абитуриенток уронила карандаш. И он выкатился почти к доске. Вы, не раздумывая, поднялись со своего места и подали девушке упавший карандаш. Вы прошли к задним партам, чтобы найти владелицу и вернуть ей пропажу, пожертвовав собственным экзаменационным временем. Еще не читая ваши ответы, я знала: вы достойны здесь учиться!

– Потому что я подняла карандаш? – удивилась я.

– Больше всего дети нуждаются в доброте, заботе и терпении. Будущую няню можно этим качествам научить, однако лучше, если они заложены с самого рождения. Когда мы беседовали после экзамена, я убедилась, что вы обладаете не только этими качествами, но и... – Сим прищурилась,

подыскивая нужное слово, – целеустремленностью. Вы отчаянно хотели здесь учиться. Пожалуй, больше, чем любая другая абитуриентка на моей памяти. У вас есть жизненный опыт, няня Мэй, который для воспитания детей гораздо важнее образованности. Поверьте, гораздо важнее, чем способность пересказать поэму «Энох Арден».

Меня в очередной раз поразила способность директора помнить все до мельчайших деталей и видеть человека насквозь.

– Я думала, что Энох Арден – это премьер-министр. Я так и написала, – призналась я.

– Помню. – Едва заметная улыбка тронула уголок рта Сим, и атмосфера в кабинете немного разрядилась. – Вы уверены насчет Йоркшира? Как только я напишу миссис Ингланд, обратного пути не будет. Напоминаю: няни, которые трижды не справились, лишаются членства в колледже.

Я расправила плечи и твердо посмотрела директору в глаза.

– Я больше не подведу вас, мисс Симпсон. Даю слово.

– Очень хорошо. Я напишу миссис Ингланд, когда вернусь.

– По-моему, это идеальная семья, – сказала я, стараясь звучать уверенно.

– Идеальных семей не бывает, – с сухим смешком заметила Сим.

«Дорогая Эли!»

Пишу тебе из Норланда, сидя на своей прежней кровати. Так странно снова оказаться здесь... Впрочем, несмотря на теплые воспоминания, мне уже не терпится поскорее уехать. Моя спальня, олицетворение христианской воздержанности, совершенно не изменилась: все те же страшные бежево-коричневые обои, шаткую половицу возле гардероба так и не починили, треснувшую каминную плитку тоже.

Я с детства привыкла делить комнату с маленькими детьми, которые быстро засыпают и иногда плачут. И совсем забыла, каково это, когда на соседней кровати твоя ровесница полночи читает с включенной лампой, а потом говорит с тобой шепотом в темноте. Мою соседку по комнате зовут няня Бэнфорд, днем она работает в детском отделении больницы. Возвращается поздно, но мы несколько раз мило побеседовали.

Я жду, пока выяснится, дадут ли мне новое назначение в семью в Йоркшире. Если это произойдет, в следующий раз напишу оттуда. Пожалуйста, помолись за меня! И не забудь сохранить мой адрес в надежном месте, когда придет письмо.

С Рэдлеттами я расставалась с тяжелым сердцем: они обходились со мной очень хорошо, и я успела к ним привязаться.

Надеюсь, ты продолжаешь учебу! Пожалуйста, передавай мой сердечный привет мальчикам и скажи маме, что я вышлю ей сентябрьское жалованье, как

только его получу.

С любовью,

Руби»

В течение следующих нескольких дней все было устроено. Я нарочно не распаковывала вещи, дабы не создавать у окружающих, да и у себя самой, ложное впечатление, будто мой визит на Пембридж-сквер может затянуться. Кроме того, няня Дженкинс оставила в ящиках кое-какие свои вещи: полупустую коробочку с грушевыми монпансье, два или три запыхавшихся носовых платка и пустую тетрадь. Днем я отсиживалась в комнате или бродила по улицам, наблюдая, как листва на деревьях постепенно становится желтой, золотистой, карамельной. Тем временем мои рекомендации были высланы, билеты на поезд заказаны, а вещи выстираны и выглажены. Доктор, прислонив к моей спине стетоскоп, предупредил о влажном климате севера и дыме из труб ткацкой фабрики.

Утром, перед отъездом, я умылась, надела форму и позавтракала. Затем в последний раз заправила кровать, хотя знала, что не успеет на нее опуститься и пылинка, как горничная снимет постельное белье. У забора ждал кеб, и, спускаясь по лестнице, я смущенно смотрела на делегацию провожающих в вестибюле. Там стояла Сим с парой студенток, а также сама миссис Уорд, которая ласково взяла меня за руку и пожелала счастливого пути. Я ужасно стеснялась, так как не привыкла находиться в центре внимания, тем не менее успела заметить

восхищенные взгляды выпускниц, которым не терпелось покинуть эти стены и начать самостоятельную жизнь.

Водитель захлопнул за мной дверцу кеба, и я, помахав скромной группе на крыльце, отодвинулась от окошка, мучимая жаждой и вспотевшая от волнения.

Автомобиль мчался на восток по Бэйсуотер-роуд, а я не могла избавиться от ощущения, что еду не в ту сторону – как будто стрелки на часах стали крутиться назад. Больше не будет походов в театр с другими нянями, не будет испеченных Эллен коржиков. Я вспомнила, что оставила в кресле экземпляр Woman's Signal, который дочитала лишь до половины. За окном, словно жуки, медленно ползли вплотную друг к другу блестящие черные кареты, пестрела яркая реклама какао, мыла, горчицы, сменялись разные магазины и уличные торговцы, цветочницы, подметальщики перекрестков, чистильщики обуви... Первое время меня поражало огромное количество работавших на улицах детей, но постепенно они стали частью городского пейзажа и казались иным биологическим видом (что конечно же не так), в отличие от своих пухлых, розовощеких ровесников, за которыми присматривала я и мои коллеги-няни.

На дорогах, соединяющих разные концы города, образовались заторы, и от всех вокруг веяло раздражением и жаром. Когда кеб затормозил у вокзала Кингс-кросс, до отправления поезда оставалось лишь двадцать минут. Я расплатилась за поездку и дала водителю на чай, не преминув в оче-

редной раз отметить горькую иронию судьбы: кто бы сорил деньгами!

Вокзал с головокружительно высоким арочным потолком напоминал гигантский стеклянный шар, заполненный паровозным дымом. Уточнив номер платформы, я стала пробиваться сквозь толпу. Я чуть не расплавилась от жары, пока добралась до пустого купе во втором классе. Мне хотелось поскорее открыть окно, как только поезд отъедет от окутанной дымом крытой платформы, и я начала нетерпеливо обмахиваться перчатками. Через пару минут раздался свисток кондуктора. Двери вагона с грохотом закрылись. Послышался мощный гудок, и поезд, набирая скорость, покатился по рельсам с утробой, полной угля, и «глазом», устремленным на север.

Глава 3

Далекий гудок паровоза вырвал меня из дремы. В Йоркшир мы прибыли уже ночью, в потолочной лампе болтались остатки керосина, которых едва хватало, чтобы давать свет. Еще несколько часов назад в Лондоне стоял жаркий летний день; теперь сквозь неплотно закрытое окно в купе пробирался холод, а стекло покрылось узорами дождя. Все еще в полусне я оглянулась, ожидая увидеть Элси с леденцом во рту, отца, смотрящего в окно, но потом сообразила, где нахожусь, и поняла, что поезд остановился.

Я проверила, в кармане ли кошелек, и спешно отправилась на поиски кондуктора. Когда я в Лидсе пересела на этот паровоз, он был набит битком. Со мной в купе ехала семья с тремя детьми. Сейчас вагон опустел, и я забеспокоилась, не проспала ли свою остановку. Кондуктор сообщил, что мне выходить на следующей. Разом нахлынули страх и облегчение, трепет и радость.

Я подняла с пола книгу, которую выронила во сне, и стала приводить себя в порядок. Вглядываясь в смутное отражение в темном окне, поправила выбившиеся пряди волос и завязала ленты накидки.

Через пять минут поезд остановился. Снаружи царила крошечная тьма, словно мы въехали в туннель. Кроме меня, никто не высаживался, и, проходя сквозь вагоны, я заме-

тила, что все они пусты. В обоих концах платформы тускло светили два фонаря, наверное, отчаявшись преодолеть ночной мрак. Хотя дождь прекратился, воздух, плотный и сырой, напоминал сохнувшее на морозе белье. Раздался свисток главного кондуктора, и поезд, грохоча вагонами, медленно отъехал от станции.

Я окинула взором платформу: ни души. С противоположной стороны от путей находилось здание станции. Вход освещался множеством фонарей, имелась даже контора носильщика. Я взяла саквояж, готовясь пробираться через рельсы, как вдруг услышала торопливые шаги. Под платформой был проход, и кто-то уже поднимался сюда по пандусу. Передо мной возник мужчина: сначала показался котелок, затем веселое лицо с темными усами и, наконец, элегантное черное пальто и зеленый жилет с изящной золотой цепочкой. Крупные пальцы сжимали ручку фонаря, который незнакомец поднял повыше. Он производил впечатление добродушного хозяина гостиницы. При виде меня этот высокий, крепко сложенный мужчина радостно улыбнулся.

– Няня Мэй! – Он произнес мое имя с такой уверенностью и простотой, словно мы встречались раньше.

Я опустила на землю саквояж и шагнула ближе, чтобы поздороваться. Незнакомец сильно сжал мою руку и энергично затряс ее, глядя на меня своими черными, блестящими, как драгоценные камни, глазами.

– Да, – кивнула я. – Рада знакомству.

– Тысяча извинений за опоздание! Лошади пришлось менять подкову, и Бродли... Впрочем, неважно! Главное, я здесь, и сейчас мы поедем к нам. Позвольте поднести ваш багаж. Давайте-ка мне ваши вещи. Кстати, как прошла поездка? Надеюсь, хорошо? – тараторил он, не переставая трести мою руку.

Наконец я вытащила свою ладонь, и мы спустились в проход, едва освещаемый тусклыми лампами. Лучи фонаря в руке моего провожатого периодически выхватывали из тьмы рекламные плакаты на стенах.

– Поездка прошла хорошо. Благодарю вас, – ответила я. – Вы кучер?

– Ха! – Громкий возглас эхом отразился от темных стен. – Боже правый, нет! Я не успел представиться. Чарльз Ингланд!

– Мне ужасно неловко, мистер Ингланд, – пролепетала я, стгорая от стыда. – Я не сообразила.

– Ничего страшного, няня Мэй, – прогудел мистер Ингланд. Моя оплошность искренне его позабавила.

Я проследовала за ним мимо закрытой билетной кассы во двор, где ждала карета, в которую был запряжен черный с белыми пятнами конь.

– Это Чибис. И, пожалуйста, полюбуйтесь его новыми подковами, а не то он страшно обидится.

Мистер Ингланд ласково похлопал коня по шее и, открыв дверцу экипажа, забросил туда мой саквояж, словно пушин-

ку. Я поблагодарила его и забралась внутрь. Карета покачнулась, когда мистер Ингланд лихо взлетел на козлы, а я кляла себя на чем свет стоит за досадную ошибку. Кучер! Что он обо мне подумает?! Наверняка, что большей дуры не встречал. И теперь эта дура будет заботиться о его детях!

Я оправила платье и отодвинула шторку, однако за окном царил непроглядный мрак. Разглядывая просторную, дорогую карету с кожаными сиденьями, я задумалась, почему Ингланды не завели кучера. Почему меня встречал сам хозяин? У них же есть прислуга? Надеюсь, от меня не ждут дополнительной помощи по дому сверх того, что я в силах сделать, в одиночку присматривая за четырьмя подопечными и поддерживая детскую в чистоте? В любом случае я собиралась решить все вопросы с хозяйкой по прибытии на место.

Дорога пошла в гору и стала петлять, а я вспомнила о длинных извилистых тропах, выющихся по крутым склонам ущелья. Я прикрыла глаза, отгоняя воспоминания, и попыталась представить места, которые станут моим домом, по крайней мере, на ближайшие годы. Интересно, лягут ли дети спать или дождутся меня? Целых четверо. Внезапно я осознала, как это много. Хотя вряд ли сильно отличается от того, когда ты старшая из пятерых детей. Наши родители не покладая рук трудились в лавке, а я много лет была матерью для своих братьев и сестры. Именно ко мне они прибегали, когда разбивали коленку или хотели есть. Я умывала, одевала, воспитывала. Именно у меня мама спрашивала, где Тед и

не знаю ли я, где кепка Арчи. Я уверяла себя, что уже делала это раньше и приобретенные навыки никуда не делись.

Минут через пять-десять дорога пошла под уклон, мы поехали медленнее и наконец остановились. Но вместо тишины снаружи раздавалось громкое шипение, словно там был паровоз или огромный клапан, выпускающий пар. Экипаж вновь сильно покачулся – мистер Ингланд прыгнул с козел. Светя фонарем, он распахнул дверцу кареты, и я ощутила непривычную для конца августа промозглую сырость.

– Отлично! Вас не растрясло по дороге! – заулыбался мистер Ингланд. – К сожалению, здесь я вынужден попросить вас выйти: подъем до дома слишком узкий и мы рискуем свалиться с обрыва. Если дадите мне минуту, я распрягу лошадь и уберу на ночь карету.

Он оставил меня посреди брусчатки, а сам отправился с фонарем к смутно угадывавшимся в темноте постройкам. Странное шипение не прекращалось, и, как только мои глаза привыкли к темноте, я смогла различить темно-синее небо, на котором сквозь неплотные облака проглядывала луна. Справа высилась черная громада – огромное здание или, возможно, густой лес. Во влажном воздухе отчетливо угадывался запах листвы, который мы, городские жители, улавливаем безошибочно. Я с наслаждением вдохнула этот аромат, прохладный и свежий, как весенний ручеек, и совсем не похожий на привычную для меня смесь густого дыма и пыли.

Мгновением позже я заметила приближающийся фонарь.

Мистер Ингланд взял мой саквояж и пошел вперед с такой уверенностью, словно умение видеть в темноте было для него совершенно обычным делом.

– Сейчас вам не видно, но это двор ткацкой фабрики, – пояснил он. – Перейдем через реку, поднимемся на холм, вот мы и дома.

Конечно, шумела река. Теперь звук стал громче, словно мы ее потревожили.

Видимо, я встала как вкопанная, так как мистер Ингланд встревоженно спросил, направив на меня едва светивший фонарь:

– Няня Мэй, вы в порядке? К сожалению, здешняя дорога лишена благ цивилизации.

– Сэр, как же мы перейдем реку?

– В резиновых сапогах. У меня как раз припасены две пары на берегу, – серьезно ответил он.

На пару мгновений повисла ужасающая тишина, а потом мистер Ингланд засмеялся:

– Шучу! Не настолько мы в Йоркшире лишены благ цивилизации! Идемте!

За пределами лучей фонаря существовал лишь шум бурлящей воды и темнота. Шагал мистер Ингланд быстро; вскоре фабричный двор остался позади, и мы очутились на каменном мосту, ширина которого, несомненно, позволяла проехать экипажу, но с крохотным запасом по паре дюймов с каждой стороны. Небольшой горбатый мост от мощного по-

тока воды отделяло футов пятнадцать¹⁸, не больше. Переходя реку по этой конструкции, я старалась не смотреть вниз, и вот мы уже на другом берегу.

Мистер Ингланд свернул налево, и мы стали карабкаться по ухабистой тропинке, уводящей от речного берега вверх. По обеим сторонам тропинки росли деревья; мокрые стволы, блестящие в лучах фонаря, напоминали вход в таинственную пещеру.

– Дом расположен уединенно, – проговорил мистер Ингланд. – Сорок лет назад дед моей жены построил его с видом на ткацкую фабрику внизу. Вам что-нибудь известно о текстильной промышленности, няня Мэй?

– Боюсь, немного, сэр, – ответила я, задыхаясь от быстрой ходьбы.

– Вероятно, вы заметили, какая тут влажность. Идеальные условия, чтобы хлопок не пересыхал. А вот шерсти дальше наших краев вы не увидите. Чем восточнее от Ливерпуля, тем реже встречаются хлопкопрядильные фабрики. Камвольные ткани¹⁹, бомбазин²⁰, молескин²¹ – вот что мы произ-

---

¹⁸ Пятнадцать футов – порядка 4,5 метра (1 фут = 0,3 м).

¹⁹ Камвольная ткань – тонкая ткань из высококачественной шерстяной пряжи, произведенной гребенным прядением. Волокна многократно прочесываются гребнями, вытягиваются и разглаживаются. В результате получается гладкая и блестящая пряжа.

²⁰ Бомбазин (бумазея) – плотная хлопчатобумажная ткань с начесом на изнаночной стороне.

²¹ Молескин – с английского языка (moleskin) переводится как «кожа крота».

водим в этом маленьком сыром захолустье. А фабрика, мимо которой мы прошли внизу – вы ее, конечно, не разглядели, но обязательно увидите днем, – принадлежит мне. Я произвожу только хлопковые ткани, на шерсть так и не перешел. Семья моей жены занимается шерстью, а ее дед – настоящий шерстяной магнат. По сравнению с ним мы жалкие сопляки! На фабрике мистера Грейтрекса двенадцать сотен станков ежедневно производят тридцать тысяч ярдов²² материи! Знаете, сколько это миль?²³

– Боюсь, что нет, сэр, – ответила я, с трудом поспевая за мистером Ингландом.

– Восемнадцать. Мой объем производства измеряется ярдами, не милями, хотя у меня на фабрике трудятся двадцать четыре рабочих. Когда я здесь начинал, их было шестнадцать... Альпаки! – воскликнул он, внимательно глядя в свете фонаря на мое озадаченное лицо. – На них Чемпион Грейтрекс и сделал свое состояние. Почти шестьдесят лет назад он первым стал производить ткани из шерсти альпак²⁴. Вы

В России ткань получила название «чертова кожа». Это очень прочное и плотное хлопчатобумажное полотно с небольшим блеском, созданное специально для производства повседневной и защитной одежды, переплета книг и блокнотов.

²² Тридцать тысяч ярдов – порядка 27 км (1 ярд = 0,9 м).

²³ Миля (английская сухопутная) = 1,6 километра.

²⁴ Альпака – домашнее животное, является частью семейства верблюдовых Южной Америки. Шерсть у альпак ценна своей износостойкостью и отсутствием жира, поэтому изделия из нее долго не загрязняются. Она гораздо теплее овечьей, практически водонепроницаема и не вызывает аллергии.

имеете представление, о каком животном я говорю?

– Вряд ли, сэр.

– Он обнаружил три дюжины мешков с этой шерстью, сложенных возле склада в Мерсисайде²⁵, и сказал: «Я заберу всю партию». Грейтрексу стали возражать, мол, шерсть слишком грубая, никто не знает, как с ней работать. Чемпион попробовал первым, и теперь... восемнадцать миль. Скоро получит титул баронета²⁶. По крайней мере, все так говорят.

– Надо же!

– Вы знаете, откуда родом альпаки? Попробуйте угадать.

Еще минуту назад я и понятия не имела о существовании такого животного.

– Из Шотландии? – предположила я.

– Ха! – Его смех грянул в темноте, словно ружейный выстрел. – С таким же успехом вы можете искать там слонов! Нет, альпаки родом из Перу. Кстати, няня Мэй, видимо, вы путешествуете налегке, даже без чемодана?

– Его доставят позже.

– Прекрасно. Вот мы и на месте.

Мы пересекли еще один мощный брусчаткой двор, направляясь к большому лишенному декора дому, будто вросшему в склон горы. Слева угадывались очертания надворных построек, а перед фасадом начинался обрыв – земля, густо

---

²⁵ Мерсисайд – графство на западе Англии. Крупнейший город – Ливерпуль.

²⁶ Баронет – наследуемый дворянский титул в Англии, составляющий переходную ступень между низшим (джентри) и высшим дворянством (аристократия).

поросшая деревьями, уходила круто вниз, к реке. Массивная входная дверь была выкрашена в красный цвет. Мистер Ингланд отпер замок одним из ключей, висевших в связке у него на поясе, и занес мой саквояж внутрь.

— Пойду поставлю фонарь на место, иначе Бродли утром мне устроит! А вы поднимайтесь в детскую. Дети спят, познакомьтесь с ними утром. Вы голодны?

— Нет, благодарю вас, сэр.

Какой необычный человек! Встретил меня сам, рассказал о своей работе, да еще и поесть предложил! Чувствуя себя не в своей тарелке, я могла лишь пробормотать слова благодарности в спину быстро удаляющемуся мистеру Ингланду. Фонарь он мне не оставил, а внутри дома царил густой мрак. Где-то негромко тикали часы. Я вытянула вперед руку, пытаюсь на ощупь добраться до лестницы. Наконец, я коснулась перил и, скользя ладонью по их гладкой поверхности, стала подниматься вверх. Ощущался слегка затхлый запах, как от давно не чистенных ковров или мокрых пальто. Ступени оказались из камня, а потому не скрипели под ногами. Наверху было совсем темно. Мистер Ингланд велел мне отправляться в детскую, но напротив лестничной площадки виднелось несколько дверей. Я решила дождаться возвращения хозяина. Без сомнения, он уже подумал, что я мямля и невежда, а теперь еще убедится в моей тупости, если обнаружит стоящей здесь, как перепуганное дитя. Я вспомнила о Сим, о моей невозмутимой, прямолинейной соседке Бри-

джет – они бы не топтались в нерешительности. Они бы отправились вниз на поиски лампы, вероятно, на кухню, которую, впрочем, могут запирать на ночь.

Внезапно раздался тихий щелчок, и из-за открывающейся двери показался свет. Из комнаты вышла женщина в пеньюаре, наспех накинутом на белую ночную сорочку. Доходившие до талии распущенные волосы обрамляли маленькое круглое личико с аккуратным носиком и большими черными глазами. Я застыла, незнакомка тоже. Она смотрела на меня с таким испугом и недоумением, что я подумала, уж не ошиблась ли домом.

– Миссис Ингланд? – наконец вымолвила я. Женщина глядела на меня, как на привидение. – Я няня Мэй. Прошу прощения, что побеспокоила вас. Я только что приехала, мэм.

– Няня? – испуганно переспросила женщина, сильнее сжав фонарь и запахивая пеньюар. – Вас пригласил Чарльз?

– Я полагала, меня ждете вы. Я детская няня.

– О! – воскликнула незнакомка. – Вот как! – Складка меж ее бровей разгладилась.

Я судорожно сглотнула: во рту почему-то разом пересохло.

– Мистер Ингланд велел подниматься в детскую. Не могли бы вы показать, в которую из комнат мне идти?

– Я думала, вы приедете завтра, – последовал едва слышимый ответ.

Она была на пару дюймов ниже меня ростом и гораздо

моложе, чем я рассчитывала.

– Мистер Ингланд встретил меня на станции сегодня вечером, – обмирая от страха, произнесла я. – Он сейчас понес фонарь на место.

Моя собеседница взглянула вниз: в холле по-прежнему царил мрак.

– Я провожу вас в детскую.

Она посветила на обитую сукном дверь слева от лестницы. Внутри оказался коридор, в котором сразу же по левую сторону располагалась одна дверь, а в самом конце еще одна. Коченея от холода и не находя слов от смущения, я покорно вошла за моей провожатой в дальнюю дверь. Оба окна в комнате были зашторены. Хозяйка направилась к висевшим над камином газовым рожкам и включила газ. Раздалось шипение, и она стала оглядываться в поисках спичек. Я заметила коробочку на каминной полке за свечой. Желая помочь, я поставила саквояж и взяла спички.

– Позвольте мне, мэм.

В стеклянных сферах вспыхнул свет. Мы были в небольшой, но уютной детской с обоями на стенах и коврами на полу. В уголке, возле деревянного манежа, стояла лошадь-качалка, а рядом крохотная расписная лошадка. Напротив, за детским столиком чинно сидели плюшевые медведи. На низком буфете виднелась красивая лодка с белым косым парусом, а вокруг были расставлены деревянные фигурки животных. У стены я заметила инвалидную коляску со сложенным

на сиденье клетчатым одеяльцем. Наконец-то я смогла разглядеть хозяйку: длинные золотистые локоны, персиковый пеньюар. Она внимательно смотрела на меня, словно ожидая, что я заговорю первая.

В доме чувствовался холод, что не редкость для больших домов летом, когда камины не топят. Поскольку миссис Ингланд не предложила мне снять накидку и не сказала, куда ее можно повесить, я чувствовала себя незваной гостьей.

– Вы предпочитаете «мэм» или «мадам»? – поинтересовалась я.

– Любой вариант приемлем.

– Следует ли мне обращаться к вам по вопросам питания и одежды детей?

Она явно растерялась, будто я попросила ее решить сложную задачу.

– Да, – без уверенности кивнула миссис Ингланд. – Или уточните у мистера Ингланда.

– Мне следует обращаться к хозяину? – переспросила я, с трудом скрывая изумление.

– Вероятно, так будет лучше.

Она говорила просто, с сильным местным акцентом. Хозяин изъяснялся более изысканно, но и в его речи безошибочно угадывался йоркширский выговор. Слушая мою новую хозяйку, я сразу вспомнила уроженку Йоркшира, которая по средам приходила к нам в лавку в Балсолл-Хит за покупками: у обеих было совершенно одинаковое произноше-

ние.

– Я вас оставлю. Можете пока разложить вещи, – проговорила миссис Ингланд.

– Я буду ночевать в детской, мэм?

– Обычно вы так и ночуете? – Она вновь запахла пеньюар, прикрывая шею.

– Да, – кивнула я. Повисла неловкая пауза. – Прошу прощения, я думала, наш директор, мисс Симпсон, известила вас о времени моего приезда.

– Да, теперь я припоминаю. Конечно, известила. Спокойной ночи, няня...

– Мэй, – подсказала я.

Миссис Ингланд тихо вышла с лампой руке и, закрыв за собой дверь, бесшумно удалилась по коридору. Я еще долго прислушивалась к царящей в здешнем особняке глубокой, всепоглощающей тишине. Каким далеким казался теперь дом на Перивейл-гарденс. Как сильно новая хозяйка отличалась от миссис Рэдлетт.

Я медленно направилась к стулу возле окна и, подняв плюшевого мишку на подоконник, уселась. Мыслями я невольно возвращалась в прошлое, вспоминала о путешествии через весь Лондон сегодня утром – неужели это было всего лишь утром? – и о беспорядочной суете города. Без малого неделю я провела в состоянии безделья и нетерпеливого ожидания нового жизненного этапа. Теперь те несколько дней представлялись восхитительными, и, зябко ежась от

холода в чужой детской, в укутанном тишиной, безжизненном доме, я вдруг поняла, что совершила ужасную ошибку.

Послышался звук, словно шипение свечи, и я с тревогой огляделась. За моей спиной было окно, и мне потребовалась пара мгновений, чтобы осознать: это звуки дождя. Стоило открыть створку, и снаружи донеслись шум реки и крик ночной птицы – совы или козодоя. Я никогда не жила и даже не проводила ночь в сельской местности, которая представлялась мне коварно изменчивой обителью жалящих и кусающихся тварей. Я привыкла к квартирам и магазинам, оживленным дорогам и тротуарам. Мне ни разу в жизни не приходилось пользоваться на улице фонарем!

Впрочем, здешний воздух упоительно чист, и утром наверняка запоют птицы, и необъятное небо наполнится солнечным сиянием. А сколько интересных дел предстоит нам с детьми! Мы займемся поиском кладов, станем собирать цветы и птичьи перья! Пока тепло, мы будем устраивать пикники и кататься на велосипедах!

Коллекция цветов на подоконнике у Джорджины состояла из маргариток и ирисов, собранных в лондонских парках. Здесь же флора и фауна явно богаче. Возможно, тут даже водятся олени – живые, а не бронзовые. И пусть в доме царит безмолвие, зато снаружи нас ждет столько всего интересного!

Я зажгла лампу, выключила газовые рожки и, захватив саквояж, отправилась по коридору в детскую спальню. В

комнате было темно, шторы опущены. Свет лампы выхватил из мрака металлические кровати на дощатом полу и смутные контуры тел под белыми простынями. Один из спящих завожился, и я приглушила свет. В дальнем углу комнаты, возле окна, в ногах пустой кровати стояла колыбель, покрытая, словно вуалью, тонкой кружевной тканью. Я двинулась вперед по скрипучим половицам и замерла возле ажурного балдахина. Льющееся из лампы мягкое сияние осветило пухлого младенца. Он лежал на спине, раскинув в стороны сжатые в кулаки ручки. Грудка малыша едва заметно поднималась и опускалась. В этой комнате тоже было душно и холодно. Я хотела открыть окно, но удержалась, боясь потревожить детей, поэтому осторожно присела на край кровати и стала расстегивать пуговицы на ботинках. На Пембридж-сквер я спала под одной простыней и полностью распахивала на ночь окно.

Ботинок с грохотом упал на пол, и я застыла, ожидая, что сейчас проснутся дети. Откуда-то из глубины спальни раздался долгий сонный вздох, и более ничего не последовало. Я прикрутила фитиль до минимума и тихонько поддула на лампу. Ненадолго резко пахнуло керосином. Прохладные простыни манили прилечь, а от стеганого одеяла слегка веяло нафталином. В кромешной темноте я устроилась на кровати и стала ждать, когда меня сморит сон.

Глава 4

Я проснулась в шесть утра, дети еще спали. Сняла платье с крючка на стене и, стараясь не шуметь, начала одеваться. В ногах моей кровати стояла колыбель, а рядом еще одна металлическая кровать, придвинутая боком к стене. Там лежали две маленькие девочки – одна рыжая, а другая темноволосая. У дальней стены, ближе всего к двери, располагалась третья кровать, которую занимал рыжий мальчик. Слева от моей кровати находился камин, закрытый решеткой, на деревянный пол был брошен лоскутный коврик. Справа, в нише, прятался шкаф.

Не открывая плотных штор, я тихо прошла мимо спящих детей, и прикрыла за собой дверь. Детские комнаты находились в левом крыле здания. От остальных помещений их отделяла дверь с обивкой из зеленого сукна, приколоченного латунными гвоздями. На пару мгновений я замерла на верхней площадке лестницы и прислушалась к тишине в доме.

Сверху открывался вид на холл первого этажа, отделенный от нижней лестничной площадки балюстрадой. На обоих этажах стены были увешаны огромными, в золоченых рамах, портретами светловолосых усатых мужчин в черных костюмах. Я отправилась на поиски кухни, по пути заглядывая в парадные комнаты первого этажа в надежде встретить прислугу. Однако шторы на окнах все еще были задернуты,

а в воздухе чувствовался стойкий запах сигарного дыма. Я двинулась в заднюю часть дома, на многообещающий тихий звон посуды.

– Няня Мэй.

Я замерла от неожиданности и увидела справа распахнутую дверь. За накрытым к завтраку столом возле дымящегося кофейника сидел мистер Ингланд с газетой в руках. Несмотря на раздвинутые шторы, в комнате царил полумрак, словно под водой. Это сходство усиливалось темно-зелеными стенами.

– Доброе утро, сэр! – поздоровалась я.

– А вы ранняя пташка.

– Я пришла за горячей водой для детской, сэр. Вы не знаете, где горничная хранит принадлежности для чистки камина?

Он удивленно посмотрел на меня.

– Прошу прощения, сэр. Уточню у хозяйки.

– Нет-нет. Блейз подскажет. Она у нас старшая горничная.

Я представлю вас прислуге.

– О, большое спасибо, сэр, наверняка вы очень заняты. Я представляюсь им сама.

– Чепуха! Присаживайтесь.

Я на мгновение заколебалась, представив, что дети наверху проснутся одни, но все же выдвинула из-под стола изящный стул красного дерева.

– Кофе? – предложил мистер Ингланд.

На нем была белая рубашка и бордовая жилетка. Рядом лежал небрежно брошенный пиджак. Шевелюра мистера Ингланда слегка блестела от влаги.

– Нет, благодарю вас, сэр, – покачала головой я.

– Предпочитаете чай? – От улыбки кончики его усов загнулись вверх. – Да не волнуйтесь вы так, няня Мэй, еда не вычитается из жалованья. Сейчас я все устрою.

Я сидела с прямой спиной, не прислоняясь к спинке стула. Казалось, комнате передался мрак окружающего леса. С улицы доносился шум листвы на ветру. Хозяин вернулся и, усевшись за стол, положил на колени салфетку.

– Я бы не хотела мешать вашему завтраку, сэр, – произнесла я. – Я обращаюсь к экономке.

– Боюсь, у нас ее нет. Прошу прощения, очевидно, у нас гораздо более скромный быт, чем тот, к которому вы привыкли. Рассказывайте, как вам жилось в Лондоне?

Он громко хлебнул из чашки, и в следующее мгновение на пороге возникла служанка с серебряным подносом, прижатым к необъятной груди. Мы обменялись взглядами, и она расставила чайный сервиз перед хозяином.

– Это для няни Мэй. Спасибо, Блейз.

Она еще раз на меня посмотрела, на сей раз с негодованием. Блейз была на четыре-пять лет старше, пышные формы придавали ей сходство с почтенной матроной, а маленькие глазки напоминали ягоды черной смородины.

Я поблагодарила горничную, но она удалилась, не дождав-

шись позволения хозяина и не удостоив меня ответом, и с отчетливым стуком закрыла за собой дверь.

– Так где вы раньше работали? Ах да! В Лондоне. Он пришелся вам по душе? Полагаю, молодежи там нравится.

– Мне очень нравилось.

– И что же заставило вас двинуться на север?

– Эта должность, сэр.

Я боялась, что мистер Ингланд подумает, будто я насмехаюсь, однако мой ответ его заинтересовал.

– Очень хорошо. А сами вы откуда?

– Из Бирмингема, сэр.

– «Черная страна»²⁷. Хотя вернее называть ее Серой: столько там дымящих труб. Кстати, поэтому мы вынуждены красить стены в темные цвета.

Мистер Ингланд подошел к буфету и провел пальцами по стене.

– Даже при закрытых окнах эта дрянь все равно проникает. – Он показал мне пальцы и вытер ладонь о брюки.

Затем уселся за стол, налил мне чаю и поинтересовался, не надо ли сахару или молока. Я как будто свалилась в какой-то перевернутый мир, где хозяин дома исполнял обязанности хозяйки. Мне еще не приходилось бывать наедине с хозяином, да и вообще с мужчиной, и я надеялась, что мое волнение не очень заметно.

---

²⁷ «Черная страна» – территория среднеанглийской низменности Мидлендс, центр угледобычи и индустрии.

– Благодарю вас, – вежливо сказала я, отпив из чашки.

– Так что вы хотели узнать? – Он свернул газету и, поставив локти на стол, сцепил пальцы в замок.

– Мне не стоит беспокоить вас по бытовым вопросам, сэр. Я могу поговорить с хозяйкой.

– Вы можете поговорить со мной, – выжидательно улыбнулся мистер Ингланд.

– В таком случае я бы хотела спросить, есть ли в вашем доме привычный распорядок дня, которого мне следует придерживаться. Безусловно, я примусь за работу и обещаю, что все пойдет гладко, но если вы пожелаете оставить какие-то пункты в режиме неизменными, например, прием пищи и тому подобное...

Он задумчиво оперся подбородком о сложенные ладони.

– Няня, которая жила тут до вас, растила меня с малолетства. Помню, уже тогда она казалась очень старой. Страшно подумать, сколько же было няне, когда она скончалась. Я ее очень любил.

– Сожалею, сэр.

– О, не стоит. Дети в восторге, что новая няня намного ближе к ним по возрасту. Я всегда считал, что с детьми нужно и самому быть немного ребенком.

Я невольно улыбнулась в знак согласия.

– Няня Нэнгл была совсем не ребенком. Как-то раз я случайно услышал, что Саул прозвал ее «старой драконихой Нэнгл». Надеюсь, ваше появление положит конец любым по-

пыткам плеватьсЯ огнем в детской. И все же ребята очень расстроились. Бедняжкам пришлось пережить страшное потрясение, когда они утром обнаружили рядом с собой бездыханное тело.

В комнате повисла тишина.

– Она скончалась здесь, сэр?

– К сожалению, да. Боже, надеюсь, я не напугал вас!

– Я не верю в призраков. – Я с содроганием вспомнила аромат нафталина, исходящий от стеганого одеяла.

– Весьма мудро. – Мистер Ингланд устало потер уголок правого глаза. – Вода в детскую. Я помню.

В следующее мгновение Блейз принесла подставку с то-стами и тарелку с яичницей и копченой сельдью.

– Спасибо, Блейз. Няне Мэй нужна горячая вода для детей.

– Сейчас отнесу, сэр.

– Спасибо, Блейз.

Она удалилась, а мистер Ингланд щедро посыпал рыбу перцем и приступил к трапезе.

– Итак, каков ваш распорядок дня? – спросил он.

Я разгладила руками фартук и стала рассказывать:

– Я просыпаюсь в шесть часов, отскребаю и черню каминную решетку²⁸, полирую медь на газовых рожках, подметаю

---

²⁸ В Англии топили в основном углем, который оставлял при сгорании жирную сажу. Поэтому каминную решетку приходилось каждое утро отскребать от налета, а затем чернить с помощью специальной краски. Эта же процедура ежедневно проводилась и с кухонной печью.

и мою детскую. Раз в неделю вручную чищу ковер. После этого бужу детей на завтрак, затем они умываются, я чиню им одежду, и мы идем гулять перед ланчем. А после настает тихий час. Вечером я обычно привожу детей вниз или могу делать это после чаепития. Я не знаю, во сколько няня Нэнгл укладывала их спать, но, вероятно, будет лучше придерживаться того же времени.

– Часов в семь, – жуя, ответил мистер Ингланд. – Малыша чуть пораньше. Ваш распорядок дня вполне приемлем.

– Следует ли мне обсудить его и с миссис Ингланд?

– В этом нет нужды.

Я изумленно кивнула.

– К Саулу четыре раза в неделю приходит учитель, мистер Бут. Они занимаются с девяти до часу в столовой.

Я снова кивнула и быстро сверилась с часами на поясе.

– Домой я возвращаюсь в десять минут шестого. Полагаю, вы могли бы приводить детей к этому времени.

– Да, сэр. А девочки учатся?

– Нет.

– Даже с гувернанткой?

– Тогда в детской было бы не протолкнуться, согласитесь. – Мистер Ингланд обмакнул кусок тоста в желток, и у меня в животе громко заурчало. – Девочкам не нужен учитель. Они умеют читать, знают основы арифметики. Я сам обучил их игре на пианино.

Я будто собственную матушку слушала. Однако няни не

вмешиваются в образование своих подопечных, поэтому я не стала спорить.

– Сэр, – заговорила я, – прошлой ночью мне показалось, что для миссис Ингланд...

Он молчал.

– Видите ли, для миссис Ингланд мой приезд стал неожиданностью.

Он откашлялся и продолжил завтракать.

– Моя супруга... как бы вам сказать, забывчива.

– Несомненно, мы все иной раз что-нибудь забываем. Но знаете, что особенно удивительно? Именно хозяйка заказала для меня билеты на поезд.

Повисла неловкая пауза, длина которой ясно давала понять, что мне не стоило заводить этот разговор.

Мистер Ингланд заметил мое смущение и сменил тему.

– Так что сподвигло вас выбрать эту профессию, няня Мэй? Многие девушки вроде вас предпочли бы работать в конторе, в магазине или на фабрике и наслаждаться свободными вечерами.

Похоже, ему было действительно любопытно. Я не привыкла к тому, чтобы интересовались моим мнением, и от волнения меня бросило в жар.

– Я всегда любила детей.

– Хмм... Вы редкий человек.

– Родители много работали. Я в семье старшая из пятерых детей, и как-то само собой вышло, что я стала о них забо-

титься.

Мистер Ингланд кивнул.

– А кроме того, – продолжила я, аккуратно подбирая слова, – полагаю, нет занятия в жизни интереснее, чем развивать ум ребенка. – Теперь я завоевала внимание хозяина безоговорочно и продолжила более уверенно: – Как говорит наш директор, материал, с которым работают няни, дороже холста, совершеннее мрамора и несравнимо ценнее для человечества. Мы формируем из детей порядочных людей. – Я залилась краской. – Звучит очень напыщенно.

– Отнюдь, мне интересно. И я соглашусь: хорошее зерно, посеянное в плодородную землю, будет плодоносить из поколения в поколение. Впрочем, как и дурное зерно. Няня Мэй, да вы прямо психиатр!

– Прошу прощения, сэр, мне неизвестно значение этого слова.

– Психиатры работают с человеческим сознанием. Их клиенты в основном преступники, которые хотят сослаться на невменяемость.

Его интонация была теплой и дружеской, но я почувствовала, что наболтала слишком много, и торопливо поднялась со стула.

– Мне пора к детям, сэр.

– Конечно. Они мечтают с вами познакомиться. Я прочел о Норланд-колледже в The Times и подумал: «Мне нужна одна из этих нянь». Весьма прогрессивное заведение.

– Благодарю вас, сэр.

– Надеюсь, дети станут вас слушаться. Если нет, приходите ко мне.

– Хорошо, сэр.

Мистер Ингланд не походил на отца, раздающего детям тумачи. С этим веселым прищуром черных глаз и легкой, непринужденной манерой общения хозяин был скорее из тех отцов, кто посадит своих детей на колени и поведает назидательную историю.

– Увидимся в гостиной позже, – сказал он на прощание.

– Да, сэр. Мне сообщить госпоже?

Он начал неторопливо нарезать селедку.

– Сообщите. Да, и еще кое-что, – прибавил мистер Ингланд, не глядя на меня. – Пожалуйста, запирайте детскую на ночь. Ключ с внутренней стороны двери.

– Слушаюсь, сэр, – пораженно ответила я.

– Хорошего дня.

– Хорошего дня, сэр.

Кухня оказалась просторной, с высоким потолком, с керамической плиткой на стенах. Повариху, миссис Мэнньон, я застала за чернением замысловатой с виду печи жесткой кисточкой. Сама миссис Мэнньон была румяная, круглая, невысокая, с волосами цвета апельсинового варенья. Я представилась и попросила воды, а она ответила, что Блейз уже унесла таз наверх.

– Благодарю вас. В какое время здесь подают завтрак? – поинтересовалась я.

– В восемь.

– А что вы приготовили детям?

– Тост и овсянку.

Полная миссис Мэнньон говорила, не отрывая взгляда от печи, перед которой стояла на коленях на каменном полу.

– Можно ли попросить добавить в меню яйца всмятку? – подала голос я.

Кисть в руке поварихи замерла, и миссис Мэнньон повернулась ко мне вполоборота и взглянула искоса.

– Чего-чего?

– Яйца всмятку, – повторила я. – Для детей.

– Вам еще и яиц надо?

– Они могли бы съесть чуть меньше овсянки, если так будет удобнее.

– Они могли бы! – Повариха сдула огненную прядь с лица. – Ладно! Добавлю яйца в список продуктов на неделю. Обед в полдень, чай в шесть, но в детскую я обычно посылаю чай к четырем.

– Обед? – недоуменно повторила я.

Миссис Мэнньон бросила кисть в баночку и поднялась на ноги.

– Ланч, обед – называйте как хотите, – уточнила она.

– О, так значит, ланч в двенадцать, а вместо ужина чай?

– Мне не до загадок! – вспыхнула она. – Обед в полдень,

чай в шесть, как я уже сказала.

Я поблагодарила повариху и пошла на выход. Слишком быстро захлопнувшаяся кухонная дверь немного прищемила мне платье. На лестнице я встретила Блейз, которая спускалась с помойным ведром. Она посторонилась, молча буравя меня черными глазками.

– Спасибо за воду, – поблагодарила я. – Я бы и сама принесла. Я няня Мэй.

– Пожалуйста, – сквозь зубы процедила Блейз и продолжила свой путь.

Сгорая от унижения, я поспешила в детскую и, закрыв за собой обитую сукном дверь, отгородилась от остального дома.

Дети уже проснулись. Старшая девочка сидела у себя в кровати с младенцем, стараясь держать братика подальше от края, а тот играл с ее темными локонами. В другом конце спальни младшая сестра рассматривала мою накидку, висевшую на крючке.

– Доброе утро! – весело поздоровалась я, и младшая девочка подпрыгнула от неожиданности.

Я раздвинула шторы, подняла жалюзи и распахнула окно. Заметив, что мальчик сел в кровати, я представилась:

– Я няня Мэй.

– Вы не похожи на няню, – удивился он. – Вы слишком молодая.

– Что ж, я действительно няня, и более того, именно ваша.

Как тебя зовут?

– Саул.

– Рада знакомству, мастер Саул.

Я повернулась к остальным.

– Малыша зовут Чарли, – сообщила старшая девочка. – А это Милли. Я Ребекка, но все зовут меня Декка.

– Няня Нэнгл не звала, – возразил Саул. – Она говорила, что прозвища для рабочих.

– Я только смотрела на ваши вещи, – оправдывалась Милли. – Я ничего не своровала.

– Надеюсь, – улыбнулась я. – Смотреть можно. Только сначала следует спросить позволения.

Милли смиренно убрала руки за спину.

– Я говорила ей не подходить, – сказала Декка.

Мой взгляд на мгновение задержался на ней. Я будто смотрела на себя в детстве. У нас обеих были длинные темные волосы. А потом я сообразила, что Дэкка на год младше Элси. У Декки отцовские глаза, в ней чувствовались серьезность и ответственность за младших детей. Декка положила братика себе на колени, и он весело загукал. Я взяла младенца на руки.

– И сколько же Чарли?

– В прошлом месяце ему исполнился годик.

Малыш прижал пальчики к моему рту, и я сделала вид, будто кусаюсь, чем развеселила детей. Чарли оказался очаровательно пухленьким, розовощеким младенцем с золоти-

стыми кудряшками.

– Няня Нэнгл умерла вон в той кровати, – заявил Саул. – Мы проснулись, а она уже труп.

– Достаточно, – твердо проговорила я, заметив переживания Милли.

– Няня Нэнгл еще отца воспитывала. Она была очень старая, – пояснила Декка.

– Она была толстая, и от нее вечно воняло капустой! – крикнула Милли, прыгая на кровати.

– Не стоит так говорить.

– И все время спала! – не унималась Милли. – Она не просыпалась, даже когда я орала ей в ухо! А потом ее увезли на черной карете.

– Думаю, няня Нэнгл очень устала столько лет работать няней.

– А вы спите, няня Мэй? – поинтересовалась Милли.

– Да, конечно. Я проснулась пораньше, чтобы успеть все приготовить.

– Мы не слышали, как вы появились. Вы храпите?

– Юные барышни не должны задавать подобные вопросы.

– А вы умеете играть в бабки? – спросил Саул.

– Да, хотя предпочитаю настольные игры.

– А в шашки?

– Да. Ну ладно, хватит болтать. Декка, покажи, пожалуйста, где ваши вещи, и я помогу всем одеться.

Утро пронеслось головокружительным вихрем. Я умыла

и одела детей, попутно заметив, что вещи сидят на них плохо и нуждаются в подгонке по размеру. Нижние юбки девочек требовалось удлинить, как и шорты Саула, из которых торчали его белые бедра, и всем поголовно, кроме Чарли, была нужна новая обувь. Я спросила про инвалидное кресло, и Саул ответил, что это его. Мальчик страдал от астмы и пользовался креслом после приступов. Обе комнаты отличались обилием пыли и плохой вентиляцией. В игровой комнате оконная створка на дюйм не доходила до рамы, и я сделала себе мысленную пометку обязательно разобраться с этим.

Блейз принесла на большом серебряном подносе завтрак: овсянка, яйца и тосты. Я ее поблагодарила, но она не произнесла ни слова и лишь крепче стиснула зубы. Пока старшие дети завтракали, я кормила Чарли, периодически вытирая его пухлый подбородок салфеткой. На давно не стиранной скатерти повсюду виднелись застарелые пятна от супов и жира. Почувствовав неприятный душок, я отправилась на поиски его источника к буфету. Между буфетом и стеной оказался тайник сгнившей еды. Саул, красный как рак, признался, что няня Нэнгл заставляла его есть всякие невкусные вещи, которые и попадали в тайник: в основном рыба, заливное и язык. Поскольку старая няня видела плохо, Саул просто отходил в дальний угол комнаты якобы за каким-то делом и выкладывал еду из кармана.

Я раздобыла ведро, собрала рыбные кости, шкурку от бекона, внушительное количество вареной капусты и, спустив-

шись на кухню, выбросила в помойку. В холле я увидела Тильду, горничную, которая шла навстречу. Пухлая, внешне похожая на немку, с волосами медового цвета, уложенными в привлекательные локоны, она подсказала, где можно найти все необходимое, и отправилась дальше стирать пыль. Комната, где завтракал хозяин, пустовала, малиновая скатерть была очищена от крошек.

Я поспешила обратно в детскую, дабы завершить утреннее дело: протереть пыль, подмести в комнатах, отскрести от грязи камин, который не чистили и не зажигали несколько месяцев. Дети наблюдали за мной с любопытством, им это было в новинку, а потом, словно зачарованные, смотрели, как я переодевалась из формы для уборки в бежевое повседневное платье. Я заявила, что подглядывать неприлично, и у них хватило воспитанности отвернуться.

Я полагала, что миссис Ингланд захочет увидеть детей после завтрака, но этим утром нас никто не побеспокоил, и в девять часов Саул отправился вниз на занятие. Я уложила Чарли спать и принялась смахивать пыль с книжных полок.

– Ваша матушка приходит в детскую? – спросила я у девочек.

– Иногда, – подала голос Декка.

– Никогда, – заявила Милли.

– Нет, Милли, она приходит. Иногда. Например, когда у кого-нибудь из нас день рождения, – настаивала Декка.

Я ощутила симпатию к этой девочке.

— А у вас двоих нет занятий?

— Нет.

— Папа учил нас читать и писать.

Я заметила, что Декка говорит в прошедшем времени. Жизнь для девочек в семействе Ингландов складывалась не так, как у меня и Элси. Для нас с сестрой образование стало воротами или даже мостом, ведущим с одного берега на другой. Вспомнилась фраза мистера Ингланда: «Девушки вроде вас». Я не сказала ему, что не нуждаюсь в свободных вечерах и выходных, не желаю приходить домой на обед и ночевать в собственной кровати. В свободное время мои мысли могли унести слишком далеко, а этого я никак допустить не могла.

За две минуты до часа пополудни я с Чарли на руках отправилась вниз, чтобы забрать Саула. Я оставила девочек с книгой, хотя становилось ясно, что Милли не хватает усидчивости и она предпочитает играть в игрушки. Она перебирала их все, задерживаясь на каждой на пару минут и переходя к следующей.

У Чарли резались зубки, и малыш капризничал. Все утро я извлекала предметы из его рта: оловянных солдатиков, кочергу и даже мокрицу. Мокрицы наводнили дом, или, по крайней мере, детскую. Заметив мокриц, ползущих по плинтусам, я собирала их в фартук и раз за разом выкидывала в окно. В глубине души я надеялась, что миссис Ингланд по-

стучится в детскую. Однако в дверь никто не стучал. Тем временем с кухни вот-вот должны были принести ланч. Вероятно, мать заглянет к детям после ланча, или, как тут принято говорить, после «обеда». А может, она просто уехала. Мало ли, вдруг хозяйка – одна из тех молодых женщин, которые живут в водовороте нарядов и визитных карточек. Дверь в спальню миссис Ингланд оставалась запертой все утро. Я решила спросить о ней у слуг за обедом, напоминая себе, что для знакомства с привычками и ритуалами нового дома, а также его обитателями требуется время.

Большие напольные часы в холле отбили час дня, и из столовой донесся звук отодвигаемых стульев. Я поставила Чарли на пол и придерживала за обе ручки. Ножки малышагнулись под ним. Завидев брата, Чарли испустил восторженный вопль.

– Здравствуйте. Вы, очевидно, няня, – проговорил мистер Бут, тщательно выговаривая слова.

Он носил галстук и коричневую кепку, словно школьник-переросток, и потертый портфель на ремне. Мистер Бут оказался моложе, чем я думала – лет двадцати пяти, – и невысокого роста. Лицо выдавало способность этого малого выкрутиться из любой ситуации, а под короткими коричневыми усиками постоянно светилась улыбка. Мистер Бут мне сразу понравился.

Саул провел по перилам лестницы длинным блестящим пером и заявил:

– Няня Мэй спит в кровати няни Нэнгл.

– Добрый день, мистер Бут, – поздоровалась я.

– Рад знакомству. И спасибо за апельсины. Очень приятно.

Я кивнула. Я попросила миссис Мэнньон выложить несколько кружочков апельсина на блюде и поставить на стол перед уроком. Сим всегда говорила, что детям во время учебы не помешает закуска, и я решила договориться о ежедневной порции свежих фруктов.

– Пожалуйста. А что это у вас, мастер Саул?

– Я нашел его в лесу.

– Он собирался им писать, но я сказал, что в этом доме и в этом веке мы перешли на ручки, – усмехнулся мистер Бут.

– Вероятно, вам лучше вернуть перо туда, где оно лежало. Ибо его может разыскивать владелец, – предположила я.

– Птицы не разыскивают свои перья, – вытаращился на меня Саул.

Мистер Бут взял перо у Саула. Узор фазаньего пера был прихотлив и нежен, как у мотылька.

– Такое лучше в шляпу, чем в учебный класс, – сказал он, вручив перо малышу Чарли, который незамедлительно сжал подарок беззубыми деснами.

Мы все расхохотались, и в этот момент из кухни вышла Блейз.

– А я все думаю, куда это вы запропастились? – проговорила она.

Сначала я решила, что речь о Сауле, и задумалась, для чего он мог понадобиться прислуге. Но, к еще большему моему изумлению, в ответ раздался голос мистера Бута:

– Иду. Передайте миссис Мэнньон, что я рассчитываю отведать чайного кекса. Иначе мне там и делать нечего.

Блейз закатила глаза – впрочем, было заметно, что она улыбается, – и нырнула обратно в дверь.

– Вы знаете слуг? – спросила я, испытывая непонятное разочарование.

– Ага. Блейз моя невеста.

Я снова засмеялась, но, увидев, что мистер Бут смотрит на меня с недоумением, быстро поправилась:

– Как мило! Когда свадьба?

– В следующем месяце.

– Мои поздравления.

– Благодарю.

Саул висел на перилах лестницы, маясь от безделья.

– Что ж, меня зовут, – раскланялся преподаватель.

– Рада знакомству, – кивнула я, подхватывая Чарли на руки.

Мистер Бут, насвистывая, отправился на кухню; портфель хлопал его по бедру в такт шагам. Поднимаясь по лестнице, я слышала, как с глухим стуком закрылась дверь на кухню, и спросила у Саула, часто ли его учитель остается после занятия.

– Иногда, – пожал плечами Саул. – А что на обед?

– Нас ждет сюрприз.

Я не успела обговорить меню с миссис Мэнньон. После нашей первой встречи я решила подождать до завтра.

– А чем мы займемся потом?

– Я собиралась пригласить вас всех на прогулку.

– На прогулку! И мне можно будет бегать?

– Можешь бегать, если захочется.

Наверху с тихим щелчком открылась дверь комнаты миссис Ингланд, и на пороге возникла сама хозяйка. На ней было кремовое платье с кружевным корсажем и высоким воротником, украшенным брошью. Миссис Ингланд молча смотрела на нас.

– Мэм. – Я присела в реверансе и подняла Чарли повыше.

– Доброе утро, – вымолвила она, хотя настал уже второй час дня.

Пару мгновений прошло в неловкой тишине: я ждала, когда хозяйка что-нибудь скажет или приласкает детей. Однако она прошла в ванную комнату и захлопнула за собой дверь. Зато дверь в комнату хозяйки осталась приоткрытой, и я заметила угол железной кровати с одеялом цвета слоновой кости, а позади окно, в котором, словно картина в раме, виднелась коричнево-зеленая стена. Дом почти вплотную примыкал к отвесному склону утеса, и деревья протягивали ветви в окна. Из ванной не доносилось ни звука, и я интуитивно поняла, что миссис Ингланд стоит с той стороны двери и ждет, чтобы мы ушли. Снизу из кухни донесся взрыв хохота. Вы-

ждав еще мгновение, я отобрала у Чарли перо и скрылась за обитой сукном дверью.

Глава 5

Семейство Ингланд принадлежало к римско-католической церкви, и в свое первое воскресенье в Йоркшире я сопровождала их на службу. Мы семеро втиснулись в карету, которая повезла нас за две мили в город. Слуги еще раньше отправились туда пешком. Положенные им полдня отдыха слуги брали в воскресенье, и, чтобы хозяева перекусили по возвращении из церкви, для них заранее готовился холодный ланч.

С судомойкой Эмили я познакомилась в первое же утро, когда относила ведро с пеленками Чарли в постирочную комнату.

Прислонившись к бледно-голубой стене, Блейз ковыряла ногти.

– Няня Нэнгл стирала их сама, – презрительно процедила она, указав на ведро.

Эмили, хрупкая девушка с рябой кожей, посмотрела на Блейз, а потом сконфуженно обернулась на меня. Я не произнесла ни слова и оставила ведро на полу.

Брови Блейз полезли вверх, уголок рта злобно искривился.

– Что, руки замарать боишься? – выплюнула она.

Я ответила, что не имею права оставлять детей без присмотра ни на минуту. Тогда Блейз наконец отлепилась от сте-

ны и проплыла мимо меня на кухню. Эмили без единого слова взяла ведро.

Коляска подскакивала на ухабистой лесной тропинке. Благодаря ежедневным прогулкам с детьми я поняла, что дом находится на отшибе, рядом на склоне холма больше никто не живет, а на дне долины, словно тайное сокровище, прячется мельница. Я ожидала, что Йоркшир окажется краем болотистых вересковых пустошей с редкими деревушками с домами из серого камня. Однако местные пейзажи словно вышли из фантастического сна или из сказки. Деревья высились подобно сизым столбам в жилетах из желто-зеленого мха, а из влажной почвы, словно фонтаны, росли раскидистые папоротники. Местность была обрывистая, изрезанная трещинами, с темными ущельями и серебристыми водопадами, низвергавшимися в быструю коричневую реку.

Высокие склоны долины задерживали дым из фабричных труб, который, смешиваясь с низкими облаками, застилал небо мрачным серым пологом. Но сегодня воздух был чист, а небо ярко сияло лазурью. Дети показали мне свои излюбленные места: скалы – тут их называют «крагами»²⁹, – разбросанные по всему лесу каменные утесы до тридцати футов³⁰ высотой с естественными отверстиями, которые словно созданы, чтобы там прятаться. Дети показали мне камни для перехода через реку и упрашивали перебежать на другой

---

²⁹ Краги – скалы, образованные песчаником.

³⁰ Тридцать футов – порядка девяти метров.

берег. Саул легко прыгал по камням туда-сюда и весело смеялся, когда я отказывалась сходить с берега. Они наперебой твердили, что няня Нэнгл никогда не брала их с собой в лес.

Саул попытался сравнить наши с няней Нэнгл привычки, но вскоре стало ясно, что счет складывается в мою пользу: старая няня подавала на стол остатки от предыдущей трапезы, разрешала читать исключительно Библию по воскресеньям, а после мытья нещадно терла детей полотенцами.

Насколько же местная жизнь отличалась от газонов в парках и белых террас, к которым я привыкла! Здесь дети карабкались по крутым берегам, прятались за деревьями, периодически пропадая из поля зрения. Саул в этом поднаторел: он исчезал, а потом неожиданно выпрыгивал из укрытия. Милли старалась держаться поближе ко мне и периодически наталкивалась на коляску. Декка неторопливо брела рядом, собирая лесные цветы. Знаток местного растительного и животного мира, она показала мне буковые рощи и колонии грибов на стволах деревьев. Девочка была в курсе, как называется каждый гриб, и объяснила, что лишь самые стойкие могут расти в густой тени деревьев.

Декка сидела в карете напротив меня, в неудобной парадной одежде. Она совсем не походила на свою сестру, Милли, которая все утро выбирала ленты для волос и настояла, чтобы ее шляпку украсили новой атласной ленточкой. Их отец сидел, вольготно закинув руку за спину сына, а мать примостилась в уголке с аляповатым ридикюлем на коленях. Мис-

сис Ингланд не пожелала взять малыша Чарли на руки и за все четыре дня, которые я тут провела, ни разу не появилась в детской.

Каждый вечер я приводила детей в гостиную, где мистер Ингланд играл с ними, а миссис Ингланд лишь молча наблюдала. Она пристраивалась на ручке кресла, словно не собиралась задерживаться, и облегченно вздыхала, когда по прошествии получаса Тильда, наконец, объявляла, что стол накрыт к ужину.

Заметив столь явное нежелание матери общаться с детьми, я поняла, что составила о миссис Ингланд неверное мнение, и, признаюсь, была разочарована увиденным. В те дни я часто вспоминала миссис Рэдлетт: как она украдкой присылала мне из кухни кусок пирога, как она играла с нами в саду, вставая на колени и не задумываясь о том, что пачкает юбку. Миссис Ингланд не выходила из спальни, даже завтракала там, и появлялась в столовой, только чтобы отобедать с мужем, когда мистер Ингланд приходил с фабрики в четверть первого. Хозяйка часто носила белое и передвигалась бесшумно – мягкая обувь не стучала по каменному полу, словно эта женщина была соткана из кружева. Но больше всего меня изумляло, что мистер Ингланд играл роль хозяина и хозяйки дома одновременно. Он распорядился, чтобы с любыми вопросами я обращалась к нему, и даже при случае приходил в детскую поцеловать детей на ночь. Я согласовывала с ним недельное меню и лишь затем передавала мис-

сис Мэнньон. Просила у него денег на пополнение аптечки и обратилась по поводу новой обуви для детей. Беспокоя мистера Ингланда очередной просьбой, очередным пустяком, я переживала, что стану для него как кость в горле, что он вскоре меня возненавидит, но мои опасения оказались напрасны. Мистер Ингланд неизменно пребывал в прекрасном расположении духа, шутил и сыпал комплиментами.

Предыдущим вечером он признался, что в детской впервые царит идеальный порядок, и я ощутила, как внутри меня тихо засияла гордость.

– Ваша семья ходит в церковь, няня Мэй? – спросил меня мистер Ингланд.

– Нет, сэр.

По воскресеньям мы перемывали товар на неделю, пока отец подбивал деньги в grossбухах. Большой, добела выскобленный стол был сердцем нашего дома, где мы делали все: шили, чистили овощи, сбивали масло, ели. Отец сидел в нарукавниках, сосредоточенно хмуясь над бухгалтерскими книгами, мы работали у него под боком, а мама готовила обед. Если Тед и Арчи слишком шумели, папа их выгонял. У отца не ладилось с большими числами, и он просил меня проверить расчеты. Я водила по строчкам пальцем, замечая, как он беспокойно переводит взгляд от чисел на мое лицо и обратно. Около половины сумм было записано неверно, и я аккуратно исправляла ошибки. «Что бы я без тебя делал, Рубарб?» – говаривал отец, со вздохом пододвигая к себе

гроссбух.

Миссис Ингланд взглянула на меня из-под широких полей шляпы. На ее шее виднелось тоненькое золотое распятие.

– Вот бы и нам не ездить в церковь, – подал голос Саул. – Там скучно и плохо пахнет.

Под усами мистера Ингланда промелькнула улыбка, мы с ним переглянулись, а потом он произнес:

– Так ты окончательно отобьешь у няни Мэй желание ехать. Вы когда-нибудь бывали на мессе?

– Нет, сэр.

– А как у вас с латынью?

– Боюсь, не очень, сэр.

– Тогда ваши мысли могут начать разбредаться. Мы приехали.

Церковь располагалась на широкой пыльной улице напротив небольшого парка. За ухоженными газонами и цветниками виднелся канал, по которому лошади тянули груженные баржи. В церкви было прохладно и пахло плесенью. Мы заняли две свободные скамьи впереди. Супруги Ингланд и Саул уселись в первом ряду, а я с малышом и девочками устроилась за ними. Дети вели себя безупречно, даже Милли не шумела, хотя порой немного ерзала, слушая монотонную речь священника. Ингланды оказались среди двух-трех самых хорошо одетых семейств. Приход в основном состоял из простых рабочих людей, которые то и дело с любопытством поглядывали на меня с детьми.

Спустя десять минут после начала проповеди Чарли заплакал. Я положила ему палец в ротик, и малыш тщетно попытался его сосать. Тогда я дала малышу узелок, свернутый из носового платка, но и это не помогло. Чарли выгибался, собираясь разреветься не на шутку.

Когда я поднялась, чтобы выйти с малышом на улицу, неожиданно обернулась миссис Ингланд.

– Я возьму его, – шепнула она.

Я опешила от неожиданности и молча протянула ей малыша. Миссис Ингланд пробралась мимо сына и мужа и пошла по проходу, оставляя за собой слабый аромат талька. Я обернулась и стала смотреть ей вслед, но, заметив, что на меня уставились несколько пар глаз, вынуждена была сесть ровно.

Обе девочки витали в облаках, Декка зевала. Через несколько минут дверь скрипнула и рядом со мной послышались мягкие шаги. Миссис Ингланд отдала мне Чарли, который молча сопел с красными щеками, и вернулась на место. Неизменный шелковый ридикюль хозяйка поставила рядом с собой на скамью и руками в безупречно чистых перчатках взяла псалтырь.

Прихожане начали подниматься со скамей и выстроились в очередь к алтарю. Я спросила у Декки, что выдает священник, и она ответила, что это причастие: взрослые получают хлеб и вино, а дети – благословение. Трое старших детей без возражений встали за родителями в медленно движущуюся очередь. Мистер Ингланд кивал многочисленным зна-

комым, взгляд которых я потом неизменно ловила на себе. В своей форменной одежде я чувствовала себя эдаким экспонатом, выставленным на всеобщее обозрение. Впрочем, две маленькие девочки робко мне улыбались. На мое счастье, когда Ингланды почти достигли алтаря, Чарли заныл, и я под прицелом десятков глаз вынесла его на улицу.

С Чарли на руках я пришла в небольшой парк через дорогу и поставила малыша на извилистую дорожку с симпатичными бордюрами, в конце которой виднелся военный мемориал. Стояло воскресное утро, и в парке не было ни души. Лишь одинокий мужчина сидел с газетой на зеленой скамейке. Чарли радостно потопал к клумбе с фиалками и бархатцами. Заметив, что малыш вот-вот залезет туда ногами, я взяла его за ручку, и мы медленно пошли в сторону канала.

Мужчина на скамейке пожелал мне доброго утра, и я ответила ему тем же.

– Упрямый молодой человек, я погляжу? – решил он продолжить разговор.

– О да, – кивнула я.

– Готов биться об заклад, твоей няне и присесть некогда, – произнес незнакомец, глядя на Чарли, который упал, успев выставить вперед кулачки, и разревелся.

Я быстро подняла малыша и вытерла испачканные ручки связанным в узелок носовым платком. Мужчина подался вперед, оперев локти на колени. Кожа у него была темная и загрубевшая от солнца. Руки выдавали в нем рабочего – с

навечно въевшимися грязью и маслом. Под ногтями чернела грязь.

– Похоже, вы няня Ингландов.

– Да.

– А остальных потеряли?

– Нет, сэр, – ответила я, не сразу сообразив, что он шутит.

– Только не зовите меня «сэром». Это ни к чему, – усмехнулся он.

Я подхватила Чарли на руки и холодно распрощалась с разговорчивым мужчиной. Месса закончилась, и прихожане выходили из церкви на улицу. Карету Ингландов подвез к забору Бродли, их кучер – крепкий старый йоркширец. Он сидел на козлах и, что-то пережевывая, рассеянно глядел на дорогу. Я обернулась в поисках остальных. Мистер Ингланд беседовал с модно одетым мужчиной, рядом с которым стояла дама в широкой шляпе и в платье с многочисленными оборками. Обе старшие девочки жались друг к другу, окруженные другими детьми, а Саул разговаривал с мальчиком примерно его же возраста, одетым в костюм и зеленую кепку. Миссис Ингланд стояла справа и смотрела прямо на меня. Она молча следила за тем, как я перехожу дорогу.

– Простите, что заставила себя ждать, мэм, – извинилась я.

Хозяйка молча уселась в карету, я с детьми последовала за ней, и вскоре в дверях кареты показался мистер Ингланд.

– Мне надо в Лейс-холл, – объявил он.

Миссис Ингланд кивнула и вновь уставилась в окно. Выражение ее лица скрывала шляпа.

– Веселей, ангелочки! – крикнул мистер Ингланд и смачно захлопнул за собой дверцу кареты.

Ночью, когда дети уснули, я заперла дверь в детскую, разулась и села в кровати, собираясь написать Элси. Разболелась спина – я таскала Чарли, и мышцы с непривычки перенапряглись и окаменели. Пришлось размять плечи кулаками и прислониться к стене, чтобы расправить позвоночник. Письмо сестре я откладывала на потом, словно десерт, и наконец разложила на столе промокательную и писчую бумагу, которые приобрела в специальном магазине на Аксбридж-роуд. Пусть на листах красовался узор из плюща и омелы – они были куплены на рождественской распродаже, – я с удовольствием пользовалась плотной бумагой кремового цвета круглый год.

«Дорогая Элси!» Я тихонько подула на чернила, чтобы они поскорее высохли, и потянулась к Херби, любимому мишке сестры, которого она подарила мне на прощание. Неуклюжий шерстяной мишка каким-то чудом хранил запах сестры. Я задумалась, есть ли слово, описывающее тоску по дому, – не по месту, а по людям. Я не тосковала по нашей квартирке или по спальне – только по теплоте, неповторимому чувству, которое возникает, когда ты в кругу родных. Здесь никто не звал меня Руби. Здесь обо мне ничего не зна-

ли.

Стены детской украшали картины в рамах, а напротив моей кровати висела репродукция, на которой была изображена рыжеволосая девочка с котенком и клубком шерсти. У меня, как и у любой молодой женщины, имелся дневник, куда я приклеивала вырезанные отовсюду картинки толстоногих малышей со своими питомцами. Я мечтала о кошке или собаке, но поскольку мы жили над магазином, питомца завести не могли. Зато во дворе у нас были куры, и к завтраку мы собирали свежие яйца, а еще Чернослив, наш пони, жил рядом в сарае с обшарпанной железной крышей.

Мне было лет десять, когда Робби отодвинул штору на окне и, обнаружив, что сарай пуст, завопил.

– Чернослив пропал! – донесся его крик из спальни.

Я постаралась выглянуть в окно, стоя у плиты, где топила жир. Дверь на лестницу была открыта, чтобы выпустить чад.

– Чернослив сбежал! – верещал Робби, скатываясь с лестницы.

Мама резала мясо на кухонном буфете и даже не подняла головы. Я побежала в спальню и торопливо выглянула из окна во двор. Обвела глазами обшарпанный туалет, угольный склад, сложенные тележки, будто пони мог прятаться за ними. В загоне равнодушно кудахтали куры. Ворота в переулок были закрыты.

– Наш пони пропал, – сообщила я матери.

– Отец его продал, – невозмутимо ответила она, продол-

жая нарезать мясо.

– Что он сделал?!

– Сковорода горит.

Я повернулась к плите, стараясь свыкнуться с новостью.

Вслед за Робби по лестнице скатился Тед и натянул ботинки.

– Кому папа его продал?

– Понятия не имею.

– Но Чернослив *наш*, – с усилием проговорила я, борясь с комом в горле.

– А теперь успокойся и накрывай на стол, – осадила меня мать. – Отец вернется с минуты на минуту.

Больше мы о Черносливе не говорили.

«Надеюсь, ты в добром здравии». С тех пор как я видела сестру, миновало больше года. Однажды весной в субботу я села на поезд и прокатилась до Бирмингема, чтобы увидеть Элси и Робби. Мы встретились в час дня возле статуи адмирала Нельсона. Я обещала отвести их в одну симпатичную чайную за площадью Бычьего кольца³¹. Там подавали блюда с золотым ободком, а на столах красовались кружевные скатерти. Брата я заметила сразу, а долговязую девицу в клетчатой блузке и длинной юбке взрослого фасона поначалу не признала. Элси заплела в косы клетчатые ленты, чтобы они

---

³¹ Площадь Бычьего кольца (англ. Bull Ring) – старейшая рыночная площадь Бирмингема, на которой также имелась арена для боя быков. «Кольцо» представляло собой железный обруч, к которому привязывали быков для травли перед забоем.

перекликались с блузкой.

Я улыбнулась и легонько потянула за одну из кос. Элси сразу просияла в ответ. То был наш старинный ритуал: я говорила, будто у Элси счастливые волосы, и, загадывая желание, тянула ее за косу. Робби тоже изменился: передо мной стоял молодой человек с пробивающимися усиками, одетый в старые отцовские вещи.

Стемнело, и я продолжила письмо при свете лампы. В открытое окно пробивался ветерок, и жалюзи постукивали о раму. Я поднялась, чтобы закрыть окно, – иначе могли проснуться дети. Снаружи царили сумерки, и, хотя деревья заслоняли последние солнечные лучи, в дальнем конце двора я заметила силуэт. Мистер Ингланд стоял на самом краю обрыва спиной к дому и смотрел на долину. Желтые огоньки далеких ферм рассыпались по склону, словно звезды на небе. Красный кончик сигары загорался и гас – мистер Ингланд курил. Он оставлял сигарные окурки где ни попадя: маленькие коричневые комки валялись по всему дому, словно хлебные крошки. Те, что пропустили горничные, я убирала в карман – подальше от ручек Чарли.

Резким движением мистер Ингланд выбросил окурочек и взглянул на дом. Я отпрянула от окна и замерла, слушая, как жалюзи бьются об стекло. Несколько секунд спустя со двора донеслись шаги хозяина по брусчатке, затем открылась и хлопнула входная дверь в дом. Я тихо опустилась на колени и вытащила из-под кровати чемодан. Его доставили вче-

ра утром, и вид знакомой вещи успокаивал, как присутствие друга. Светя себе лампой, я рылась в чемодане, затем наконец нашла марочную тетрадку и приклеила марку на конверт. Перед тем как закрыть чемодан, я по привычке нащупала жестяную коробку из-под черного чая, в которой хранились мои самые ценные сокровища. Рука замерла над жестяной крышкой. *Не сегодня.*

Позади кто-то зашевелился и шмыгнул носом. Я обернулась и увидела Милли, которая, опираясь на локти, смотрела на меня через железные прутья кровати.

– Что вы делаете? – тихо спросила она.

– Ничего, – шепнула я, задвигая чемодан в темноту под кровать. – Спи.

Глава 6

За ткацкой фабрикой мистера Ингланда находился пруд с гладкой, словно зеркало, поверхностью. Теперь, в век паровых двигателей, пруд служил местом обитания уток и прочей пернатой дичи. Одним погожим днем я попросила на кухне немного черствого хлеба и вскоре, к вящей радости моих подопечных, вернулась в детскую с добычей, завернутой в тряпицу. Дети торопливо доели суп, а Декка даже оставила кусочек рулета на случай, если уткам понравится сливочное масло. Чем больше я узнавала Декку, тем больше прекрасных черт в ней находила. Девочку отличали глубокий ум и сметливость, нежность и скромность, а также страстная любовь к природе. Когда я меняла Чарли подгузники, Декка оказывалась рядом с безопасными булавками в руках, а вечером, с наступлением темноты, успевала зажечь в детской газовые рожки. Все, что Декка брала или использовала в игре, всегда потом ставила на место, в отличие от своего брата и сестры, которые оставляли после себя беспорядок. Декка прибирала и за ними. Каждый вечер я читала детям книгу «Удивительный волшебник из страны Оз». Декку сюжет захватывал особенно, и все же она не жаловалась, видя, что я ставлю книгу на полку. Девочка никогда не просила сверх того, что ей доставалось. Ее мать почти все время отсутствовала, но Декка не подавала виду.

Без четверти два мы вышли из дома. Я повезла Чарли в коляске (чем он был страшно недоволен) и застряла с ней в калитке. В это время из-за угла показался мистер Бут на велосипеде.

– Няня Мэй! – прислонив велосипед к дереву, он кинулся на помощь, и мы вдвоем перетаскивали коляску.

– Благодарю вас! – смущенно произнесла я.

– Куда путь держите?

– До сторожки и обратно, отправить письмо.

– Сначала мы покормим уточек! – заверещала Милли.

– Правда? – Мистер Бут отправился с нами по тропинке.

Декка осталась рядом со мной, а Саул и Милли пошли слева и справа от мистера Бута, стараясь приноровиться к шагу учителя, катившего велосипед. Занятия Саула завершались в час дня, следовательно, мистер Бут провел на кухне не менее сорока пяти минут. Каждый день после его ухода я замечала, что Блейз какое-то время вела себя более сносно, однако потом все вновь возвращалось на круги своя.

– Няня Мэй учила нас, как правильно писать слова по буквам, с помощью *Аниных граммов*, – сообщила Милли, смело взяв мистера Бута за руку.

– Да неужели? – изумился он. – А что такое «Анины граммы»?

– Она имеет в виду *анаграммы*, – пояснила Декка, когда мы поравнялись с ними.

– По-моему, прекрасная игра! – улыбнулся мистер Бут. –

И какие слова ты можешь назвать по буквам?

– «Дерево», «деревянный» и «речка», – гордо объявила Милли. – А еще «кошка», «мышка» и «мяч».

– Ну, это легкие слова, – подал голос Саул. – Спорим, ты не знаешь, как пишется «индеец» или «пират»?

– Не у всех из вас есть учитель! – напомнила я.

– А у вас был учитель, няня Мэй? – поинтересовался Саул.

– Нет. Я ходила в школу.

– Можно я тоже буду ходить в школу? – запрыгала от восторга Милли. – Я хочу в школу!

Мы с мистером Бутом переглянулись.

– Не сегодня, – мягко ответила я.

– А когда?

– Мой отец работает в школе, – вступил мистер Бут. – Он учит мальчиков и девочек, а потом они идут на работу.

– На работу? А куда? – нахмурилась Милли.

– На фабрики и заводы. Как у твоего отца.

Дети не заметили, как напрягся голос мистера Бута.

– Вы работаете в школе? – уточнила Милли.

– Нет же, глупая! – засмеялся ее брат.

– Саул! – строго одернула его я.

– Я работаю частным образом, в домах, – пояснил Милли мистер Бут. – И в желании задавать вопросы нет ничего глупого, поэтому продолжай!

– На сегодня достаточно, – вмешалась я. – А теперь бегите к пруду.

Милли рванула за братом, Декка вслед за ними, и вся троица помчалась по мосту.

– Какая досада, что сестер не отдают в школу, – заметил мистер Бут, пока мы прогуливались. – Иные босоногие девочки знают больше их.

Соглашаться означало бы предать своих подопечных, но, казалось, мистер Бут не ждал ответа.

Я стала учить девочек правильному написанию слов при помощи фишек из игры в слова, хотя это не входило в круг моих обязанностей. Пока Саул уходил на занятия, а Чарли спал, мы с девочками начинали урок, разложив на столе тетрадки, которые я привезла из Норланда. Я не просила держать наши уроки в секрете, но Декка родителям ничего не говорила, да и мистер Ингланд настолько увлекал детей игрой в гостиную, что даже Милли забывала хвастаться. Сим не одобрила бы такое положение дел. Принципы нашего обучения четко гласили: работа няни заключается в воспитании детей, а не в обучении их арифметике.

– Надеюсь, мы вас не задержали, – улыбнулась я мистеру Буту.

– Вовсе нет, – замотал головой он. – Сторожка мне как раз по пути, и я могу опустить ваше письмо. Избавлю вас от похода туда.

– О, это очень мило с вашей стороны.

Я вытащила из-под накидки письмо и вручила мистеру Буту. Он взглянул на адрес, и я поняла, что совершила ошибку.

ку.

– Пишете домой? – спросил он, засовывая письмо к себе в портфель. – Прошу прощения, не хотел подглядывать.

Сердце забилося быстрее, но я старалась весело улыбаться.

– Сестре, – ответила я.

– Старшей или младшей?

– Младшей, – спустя мгновение произнесла я.

– Что ж, пора пошевеливаться. Сегодня после обеда я преподаю в Лейс-холле. Тут недалеко, за холмом. Вы там уже были?

– Название знакомое. Мистер Ингланд ездил туда после мессы.

– Это дом его шурина. Точнее, усадьба. Владельца зовут Майкл Грейтрекс.

– Грейтрекс... – повторила я. – Так он родственник нашей хозяйки?

– Ее брат.

Я озадаченно нахмурилась.

– Мужчина, которого я видела в воскресенье, вряд ли приходился миссис Ингланд братом. Они и парой слов не перемолвились. – Мистер Бут молча уселся на велосипед. – У них две дочери и сын? – уточнила я.

– Энни, Энид и мастер Майкл, мой ученик, – наконец ответил он.

– Тогда я видела именно их. Но... как странно, – тряхнула

головой я.

– *«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему».*

– Прошу прощения?

– Толстой. «Анна Каренина».

Я непонимающе покачала головой.

– Я дам вам почитать, если, конечно, сюжет книги не покажется слишком скандальным для стен детской, – хитро улыбнулся мистер Бут. – Хорошего дня, няня Мэй!

Он поехал на велосипеде вперед, а потом свернул от фабричного двора направо в сторону города. Мистер Бут был умен, очевидно, гораздо умнее меня, однако в силу воспитанности и широты души не подчеркивал свое превосходство. Он хорошо обходился с детьми и запросто держал Милли за руку. Но кое-что в поведении молодого человека выдавало глубокий внутренний конфликт: за тоном, которым мистер Бут говорил о богатстве Ингландов, скрывалось гораздо больше, чем простое негодование. Или это было презрение?.. Я прижала к пылающим щекам ладони и отправилась догонять детей.

В воздухе, словно пепел, летал хлопок. Он опускался мне на накидку, создавая впечатление, будто я толкаю коляску сквозь снежную бурю. Как и большинство водяных мельниц, построенных сотню лет назад, фабрика Ингландов выглядела более скромно, чем внушительные, грохочущие конструкции в крупных городах. На каждом из трех этажей фабрики

имелось по шесть окон, а труба дымохода торчала из крыши наподобие указующего перста. Само фабричное здание по размерам не сильно превосходило Хардкасл-хаус, особняк Ингландов³², но оно обросло множеством хозяйственных построек. Тут имелись конюшни, над которыми Бродли жил со своим внуком Беном, работавшим конюхом. Рядом высились пять подсобных помещений и пост для сбора платы за пересечение моста. Ансамбль дополняли товарный склад и ткацкий цех, а старую котельную на западном берегу использовали в качестве дровяного склада.

Дети кидали кусочки хлеба в пруд за зданием фабрики, и вскоре вместо трех-четырех уток у берега образовалась неистово гомонящая стая. Я стояла поодаль, развернув коляску к воде. Чарли глядел на птиц и радостно хлопал в ладошки.

– Скоро эти утки так растолстеют, что не смогут взлететь, – слышалось за моей спиной.

Я обернулась и, увидев, что по тропинке приближается мистер Ингланд, поправила накидку.

– Добрый день, сэр. Смею надеяться, вы не против, что я привела сюда детей?

– Конечно, нет. Жаль только, у меня с собой нет хлеба.

Он пощекотал Чарли под подбородком, и малыш запищал от восторга.

---

³² Хардкасл-хаус – особняк из грубого песчаника, входящий в список объектов культурного наследия северного Йоркшира.

– Папа, можно мы сходим в машинный зал? – спросил подбежавший Саул.

– Мистер Ингланд занят, – напомнила я.

Я быстро смахнула крошку хлеба, упавшую на одеяльце Чарли, пока малыш не потянул ее в рот.

– Почему бы нет, – улыбнулся мистер Ингланд. – В конце концов, няня Мэй еще не видела фабрику.

– Сэр, не стоит ради меня беспокоиться.

– Разве вам неинтересно? – мягко спросил он.

– О, конечно, интересно! Только... безопасно ли это для детей?

Что сказала бы Сим, узнай она, что я собралась вести своих воспитанниц в фабричный цех?.. Хотя в глубине души я сгорала от любопытства.

– Какая вы молодец, что заботитесь о безопасности. Поверьте, нам ничего не грозит. Дети там уже были, правда, девочки? Им нравится смотреть на рабочих.

– Мне нравится снег, – мечтательно произнесла Милли.

– Хлопок, – поправил мистер Ингланд, предлагая дочери руку, точно взрослой леди.

Снедаемая любопытством, я покатила коляску Чарли вслед за ними, радуясь возможности убраться подальше от грязи и птичьих криков.

Мистер Ингланд провел нас через боковую дверь в узкое темное помещение, заваленное мешками, из которого мы попали в огромный цех с лестницей, соединяющей все три эта-

жа здания. По полу перекатывался хлопок, и мальчишка возраста моего брата Арчи сметал его в кучки, но через мгновение под ногами снова образовывалось белоснежное покрытие. Много лет назад в Балсолл-Хит сгорела бумажная фабрика, и мы с братьями ловили на язык тончайшие хлопья пергамента, которые еще много дней падали с неба.

Мы миновали освещенный лампами коридор, из недр которого доносился жуткий грохот и так сильно пахло серой, что мне пришлось зажать нос. Саул протиснулся вперед, а я с коляской остановилась чуть позади.

– А вот и машинный зал! – объявил он.

– Мне тут не нравится, – заныла Милли. – Темно и шумно.

– Я останусь с тобой, – пришла на помощь Декка.

Я подкатила коляску к порогу.

– После вас, няня Мэй, – произнес мистер Ингланд.

– Думаю, мне не стоит туда идти, сэр.

– Чепуха. Коляска пройдет. Давайте-ка я помогу. Вперед, девочки!

К моему изумлению, он взялся за ручку коляски и провез ее внутрь. В темном машинном зале, куда не проникали свет и воздух, неистово ревели две печи, которые обслуживали трое мужчин в куртках. Черная от угольной копоти кожа рабочих блестела от пота, и лишь белки глаз сияли в полумраке, как фонари. Не отвлекаясь на разговоры с нами, кочегары зачерпывали лопатами уголь из сваленной возле стены кучи и кидали в ненасытные жерла печей. Даже если бы они за-

говорили с нами, мы бы все равно ничего не слышали из-за оглушительного шума, царившего вокруг. Саул спросил, можно ли ему кинуть в топку лопату угля, и отец ему в этом помог.

Чарли, утомленный жарой и грохотом, заплакал, и я с облегчением вывезла его на прохладную лестничную площадку. Вскоре вышли Декка и Милли, а спустя пару минут показалась и мужская часть семейства Ингланд с сияющими от счастья лицами.

– Это лучше, чем кормить уток? – поинтересовался мистер Ингланд.

– Лично *я* так не думаю, – возразила Милли.

Декка промолчала. Она вообще редко говорила в присутствии родителей, а рядом со слугами или мистером Бутон и того меньше.

– А можно нам в снежную комнату? Пожалуйста-пожалуйста! – затараторила Милли.

– Очень хорошо! – кивнул мистер Ингланд. – Веди нас. Юный Чарльз пойдет со мной. – С этими словами глава семьи вытащил сына из коляски.

Ошеломленная его поступком, я двинулась следом. Мы поднимались вверх, на звук ритмичных ударов. На втором этаже мистер Ингланд распахнул огромные двери, покрытые облупившейся синей краской. Внутри стоял оглушительный шум. Я еще ни разу не видела столь большого помещения: цех простирался на всю длину фабричного здания, потолок

поддерживали железные столбы. Пол толстым слоем устилал хлопковый пух, а солнечные лучи, которые лились через высокие окна, освещали поземку из белой пыли, пуха и волокон. Мы словно оказались внутри подушки или даже грозовой тучи, учитывая грохот и беспорядок вокруг. По обеим сторонам узкого прохода громоздились пять станков, на которых с такой скоростью сновали челноки, что у меня закружилась голова. За работой станков следили человек десять, но ткачи то ли не заметили нас, то ли им запретили отвлекаться. Мы прошли дальше – глазеть на рабочих было бы невежливо. Изнывая от неловкости без малыша и коляски, я взяла Декку за руку.

Окна в цеху были закупорены для поддержания влажности, и на стеклах выступили капельки конденсата. Понимая, что голос мистера Ингланда утонул бы в окружающем грохоте, я решила не тревожить его вопросами и молча рассматривала ткацкие станки. В этих невообразимо сложных устройствах нити, будто струны, натягивались на белые валики.

Внезапно я почувствовала на себе чей-то взгляд и, обернувшись, увидела мальчика лет четырнадцати-пятнадцати, который таращился на меня из-под козырька кепки. Он смотрел без тени смущения и не отвел глаз, встретившись с моим взглядом. Я повернулась к мальчишке спиной и пошла дальше.

Дети старались не приближаться к станкам и продвигались гуськом. Самый юный работник, ровесник Декки, в за-

пыленных белых брюках юркнул под станок и исчез с наших глаз. Зев станка открылся и закрылся, потом еще и еще, и наконец мальчик вынырнул из-под машины и вновь встал рядом с ней. Несмотря на пыль и грязь, юноша бегал босиком, и я заметила, что ступни у него почти черные. Рядом работала девушка лет шестнадцати; бедняжка прикрыла рот и закашлялась, сотрясаясь всем телом. Ее волосы свисали до плеч грязными прядями. Спohватившись, что глазею на нее, я стала внимательно рассматривать колесо станка.

Когда мы шли обратно той же дорогой, Декка поскользнулась. К счастью, я все еще держала ее за руку и помогла девочке устоять на ногах. Мистер Ингланд вернул мне Чарли на лестнице. Следуя правилам приличия, я поинтересовалась, сколько же станков имеется на фабрике.

– Девятнадцать, – довольно ответил он. – Когда я стал здесь хозяином, их было шестнадцать. А вы в детстве ходили на работу к отцу?

– Мы жили непосредственно над нашей лавкой, – ответила я, краснея от стыда. – Поэтому всегда знали, что там происходит.

– Чем торговали?

– Начинали с зелени. А сейчас продаем разные бакалейные товары.

– Так ваш отец коммерсант. У нас с ним есть кое-что общее.

Однако эти мужчины жили в разных мирах. Трудно вооб-

разить, как отец в рабочем халате сидит в кабинете мистера Ингланда за массивным столом красного дерева и пачкает грязными руками кремовые листы бумаги. Вечером отец отмывал руки на кухне, и вода в раковине становилась густого коричневого цвета. Я представила его в одежде мистера Ингланда, с бокалом виски в руке, в клубах сигарного дыма, подсвеченного газовыми рожками. Мой отец никогда в жизни не курил и еще до моего рождения стал членом Общества трезвости.

– И как идет торговля? – поинтересовался мистер Ингланд.

– Благодарю вас, сэр, хорошо, – ответила я.

Мы поднялись на третий этаж, почти не отличимый от второго, и мистер Ингланд разговорился с главным мастером, который из вежливости кивнул детям, а меня даже не удостоил взглядом. Я хотела спросить, сколько лет самому младшему работнику фабрики, но после разговора с мистером Бутом решила, что не стоит. Вместо этого я поинтересовалась, откуда привозят хлопок.

– Через Рочдейлский канал³³, – ответил мистер Ингланд и, видя мое озадаченное лицо, широко улыбнулся.

Я смущенно рассмеялась и усадила Чарли в коляску.

– В наше время мы получаем хлопок из Австралии, – по-

---

³³ Рочдейлский канал – судоходный канал в Северной Англии между Сауэрби-Бридж в Западном Йоркшире и Манчестером. Название дано по городу Рочдейл в Большом Манчестере, через который проходит канал.

яснил мистер Ингланд. — А ведь я один из последних производителей хлопковых тканей в здешних краях. Все остальные перешли на шерсть или обрабатывают бомбазин, получая вельвет, саржу, молескин и трип.

Мистер Ингланд потянулся к моей накидке и пропустил ткань между пальцами. Я почувствовала, как у меня участился пульс.

— Это габардин, разновидность саржи. Возможно, ткань произвели в нашей долине, — заметил он.

Мы стояли во дворе фабрики. Внезапно у мистера Ингланда сделался усталый вид, и он вытащил сигару из серебряного футляра, который хранил в нагрудном кармане. Я подумала о том, что внутри полно огнеопасного материала; малейшая искра, и вся фабрика сгорит за считанные секунды.

— Курить на фабрике запрещено, — проговорил мистер Ингланд, словно прочитав мои мысли. — За такое грозит увольнение, даже мне.

Это было логично. И теперь становилось ясно, почему мистер Ингланд так много курил дома.

— Мне понравилась экскурсия, — сказала я.

— Можете приходить в любое время, — улыбнулся он.

Шагая по каменному мосту и взбираясь на холм, я чувствовала радость и прилив сил. Я видела, где работает хозяин — удачливый коммерсант, который хорошо обращался со своими подчиненными. И хотя я не имела желания работать на фабрике с ревущими печами и покрытыми сажей кочага-

рами, с вертящимися колесами и рамами, которые с грохотом ездят туда-сюда, все-таки мне понравилось бы осознать себя малой, но жизненно важной частицей единого организма, где у всякого человека и предмета есть свое место и роль.

Почти каждое утро я из окна детской видела, как рабочие идут на фабрику, шагают друг за другом по тропинке, будто муравьи. Женщины, укутанные в коричневые и серые платки, почти сливались с деревьями. Никто не проходил рядом с Хардкасл-хаусом, но на вершине холма была деревушка, и пару раз я замечала, как люди пересекают мост и исчезают среди деревьев на нашем берегу. Холм был очень крутой, с едва заметной тропкой, которая вилась по склону. Карабкаться по ней дважды в день требовало недюжинной ловкости, а зимой и подавно. Вспомнилась кашляющая девушка: с кем она живет, как выглядит ее дом? Я посмотрела на свои руки в белых перчатках, обнимающие пухлые ножки Чарли. Интересно, что подумала обо мне та девушка? Догадалась ли, что мы с ней не такие уж и разные?

Вечером, зажигая лампы в детской спальне, я кое-что обнаружила на своей подушке. Там лежала темная веточка с белыми пушистыми, как одуванчики или заячьи хвостики, цветами. Я взяла ее в руки, чтобы лучше разглядеть. Мной овладело странное, волнующее чувство, будто я делала что-то исподтишка. Из коридора донесся шум; ко мне прибежала Милли, и я быстро спрятала веточку под подушку. Позже,

когда дети спали, я достала с полки ботаническую энциклопедию Декки и стала сверяться с картинками. Дойдя до буквы *G*, я нашла то самое растение: *Gossypium hirsutum* – хлопок. Я поднесла веточку к лампе и нежно погладила пушистые цветки.

Глава 7

Жизнь в Хардкасл-хаусе вошла в колею, и новое стало привычным. В ходе генеральной уборки игровой комнаты и детской спальни стало ясно, насколько няня Нэнгл пренебрегала своими обязанностями – или же плохо видела. Моего внимания не избежал ни один предмет, ни один угол: я протерла каждую игрушку, каждый пузырек с лекарством, вымыла окна и стены, проветрила и зашила детскую одежду и выделила в шкафу место для каждого ребенка. Я отчистила с мылом расчески, натерла до блеска ночные горшки и выстирала шторы. Дети помогали в меру сил – протирали пыль и раскладывали по местам вещи.

Я падала в кровать совершенно без сил, и однажды Саул разбудил меня затемно, сообщив, что у нас в крыше, наверное, дыра, так как в его кровать натек дождь. Взглянув на часы, я поняла, что уже семь утра. Я проспала лишний час, и вода, которую оставила за дверью Блейз, успела остыть. Слушая Саула, я быстро оделась и собрала постельное белье с его кровати, чтобы отнести Эмили на стирку и заодно попросить у нее еще горячей воды.

– У мастера Саула неприятность, – сказала я Эмили, складывая мокрое белье в корзину.

– Ох, неужели опять? – сочувственно проговорила она.

– И часто такое случается?

– Время от времени, – пожала плечами она.

Блейз гладила в углу.

– Блейз, не могли бы вы принести нам еще воды?

– Сначала с этим закончу.

– А есть ли запасная клеенка?

– Только та, что у малыша. – Блейз водила утюгом по нижней юбке, не глядя на меня.

Мне всегда было неловко обращаться с просьбами, но Блейз умудрялась сделать так, что я чувствовала себя просто ужасно. Хотя я сумела найти общий язык с кухаркой миссис Мэнньон, Блейз по-прежнему меня недолюбливала, а Тильда и Эмили отмалчивались. Я подозревала, что Блейз настроила их против меня. Пусть бы судачили сколько душе угодно. Я знала, что они сплетничают – каждый раз, стоило мне зайти на кухню сквозь качающуюся дверь, служанки замолкали. Но я не желала подчиняться воле Блейз и заискивать перед ними, радуясь малейшим крохам внимания, которые мне кидали.

Позже утром, когда в дверь детской постучали, я поняла, как сильно страдаю от одиночества. За дверью, к моему изумлению, стояла миссис Ингланд с письмом в руках.

– Это вам, – произнесла она, входя в детскую и вручая мне письмо.

Хозяйка со мной тоже почти не разговаривала. Она лишь здоровалась, если мы виделись в доме, или задавала пару вежливых вопросов, когда я приводила детей в гостиную.

Все они вели себя как чужие, и это меня очень огорчало. Малыш Чарли никогда не просился к матери, а меня не отпускал ни на шаг. Однажды вечером я передала Чарли на руки миссис Ингланд, надеясь, что это укрепит между ними связь, но малыш стал выгибаться и почти заплакал. Перехватив беспомощный взгляд миссис Ингланд, я поспешила забрать ребенка.

– Благодарю вас, мэм, – произнесла я, принимая конверт.

При виде почерка Элси мое сердце учащенно забилося. Конверт показался мне тяжелым, плотно набитым, как будто сестра исписала десяток листов вместо традиционного одного. Видимо, я заулыбалась, так как миссис Ингланд медлила, словно хотела что-то сказать.

– Как вы устроились? – наконец промолвила она.

– Очень хорошо. Спасибо, мэм.

Она посмотрела в сторону стола.

– Девочки составляют каталог местных растений, – пояснила я.

– Да?

Это была моя идея, и на прогулках мы собрали уже с десятков разных видов. На столе лежали разные травы, которые зарисовывала Декка. Она решила, что после описания флоры займется фауной и начнет с птиц. Я пообещала раздобыть членский билет публичной библиотеки, и Декку мои слова привели в восторг. Она увлеченно занималась каталогом, иногда позволяя принять участие Милли, хотя у той

имелась собственная тетрадь. Схемы, составленные Милли, было невозможно разобрать, однако мы с Деккой всегда осыпали ее похвалой.

– Девочки, покажите миссис Ингланд вашу работу, – попросила я, втайне надеясь, что хозяйку не возмутит грязь на скатерти.

Декка и Милли пододвинули к матери свои тетради. Миссис Ингланд послушно рассматривала рисунки, раздумывая, что бы спросить.

– А что это такое? – наконец поинтересовалась она.

Декка с готовностью ответила:

– Боярышник. Еще его называют колючка дикая, петушина шпора, майское дерево. Майское дерево! Как няня Мэй!³⁴

---

³⁴ Мэй в переводе с английского означает «май».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.